

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В
ПРОСТРАНСТВЕ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

25 января 2016 г.

Нижний Новгород, 2016

www.scipro.ru

УДК 796.01
ББК 87

Р 68

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Роль философии в пространстве информационного общества: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 5 января 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 68 с.

ISBN: 978-5-00-005483-0

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемные вопросы по всем направлениям философских наук научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Роль философии в пространстве информационного общества» (25 января 2016 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайтах <http://www.scipro.ru> и <http://www.libex.ru/>.

УДК 796.01
ББК 87

ISBN: 978-5-00-005483-0

Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016

Коллектив авторов, 2016

Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ Онтология и теория познания	4
Borisov Sergey Valentinovich	
PRINCIPLES OF PHILOSOPHICAL CONSTRUCTIVISM FOR PRACTICE OF EDUCATION	4
Шатова Наталья Дмитриевна	
ВОЗРОЖДЕНИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ МЫШЛЕНИЯ И РЕФЛЕКСИИ В РАБОТАХ Л. ФЕЙЕРБАХА	12
СЕКЦИЯ История философии	18
Пенионжек Евгения Владимировна	
РУССКАЯ ИДЕЯ: СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ.....	18
СЕКЦИЯ Эстетика	26
Малахова Елена Владимировна	
СИМВОЛ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	26
СЕКЦИЯ Этика.....	30
Полубояров Дмитрий Иванович	
МОРАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА	30
СЕКЦИЯ Социальная философия	40
Бичарова Мария Михайловна	
ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	40
Понизовкина Ирина Федоровна	
ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВА POSTMODERNITY НА ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	48
Тураева Алина Дмитриевна	
ЧЕЛОВЕК И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО	58

УДК 141.1; 304.4; 37.011

**PRINCIPLES OF PHILOSOPHICAL CONSTRUCTIVISM FOR PRACTICE
OF EDUCATION**

Borisov Sergey Valentinovich

Chelyabinsk state pedagogical university, Chelyabinsk (Russia)

borisovsv69@mail.ru

**ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА ДЛЯ
ПРАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ**

Борисов Сергей Валентинович

Челябинский государственный педагогический университет, г. Челябинск

Abstract. Constructivist approach to education claims that on a basis of education we learn to understand, explain and act, reaching maximum adaptation to the world. Education is not that the person knows and remembers. Education is that he uses and that changes his behavior. Education represents uniform dynamic system of interaction of basic constructs of consciousness with environment. In a course of education the individual not simply learns the world, he learns features and regularities of own self-development. Therefore it is necessary that pupils independently defined a contents and a subject of studying and a form of educational activity.

Keywords: constructivism, philosophy of education, consciousness, knowledge.

Аннотация. Конструктивистский подход к образованию состоит в том, что на основе образования мы учимся понимать, размышлять и действовать, достигая максимальной адаптации миру. Образование – это не то, что человек знает и помнит, а то, что реально влияет на его поведение и проявляется в нем. Образование представляет собой единую динамичную систему взаимодействия

базовых конструктов сознания со средой. В процессе образования индивид не просто познает мир, он познает особенности и закономерности своего собственного саморазвития. Поэтому необходимо, чтобы сами учащиеся определяли содержание учебного материала и сами выстраивали учебный процесс.

Ключевые слова: конструктивизм, философия образования, сознание, познание.

Constructivism considers reality as an open dynamic system. Therefore, it is the subject, not only the objects. Certainly, any system can be object of research, not from a position of third-party supervision, but from a position of forming relations with system in the course of interaction. The person is an activity source; in this case knowledge is a process of creation reality projects, experience projects of a person, instead of reflection of the “external” world. The knowledge represents process of the relations of designs of consciousness with the world.

The consciousness has an ontological status in constructivism which is both “first”, and the “last” basis. However, cognitive designs inherent in consciousness can be found and investigated only indirectly. Interaction of the subject and object is a system of those cognitive designs. The most known among them are: aprioristic forms of consciousness (I. Kant), archetypes collective unconscious (K.G. Jung), long term informative habits (D. Hume), scientific paradigms (T. Kuhn), cultural installations – “prejudices” (M. Heidegger, H.-G. Gadamer), language structures (F. de Saussure), cultural signs, symbols, texts (structuralisms), etc.

Cognitive designs provide adaptation and an organism survival. Therefore from the constructivist point of view knowledge have to be viable. Cognitive designs give chance of future predictions. They provide stable life experience of the person, and therefore, a stable picture of the world.

There are many theories which can be considered as constructivism. It is difficult to classify these theories because they unite many scientific disciplines. In our opinion, existing classifications are not satisfactory: either they are deprived of

the uniform basis or they are not full [5]. However in all variety of constructivist theories of each of them corresponds to those principles about which we spoke above and also we wrote about it article [1].

There is such a statement: education is what remains when almost everything studied before is forgotten. If we consider education as system of models of the world with its subsystems – knowledge, abilities, skills – the whole structure, is more important, than separate elements, even the loss, of a large number of knowledge won't bring damage to education. In the early childhood education is usually driven by personal interest of a person. Spontaneity always is present in education as it is interaction of open dynamic systems: person, group, society. If in natural development of a person a large role plays a case, within “education system” the organization the order plays a large role too, but mankind still hasn't learn to keep balance between these aspects of education. To construct educational system which will satisfy all is probably impossible.

But it is possible to assume that any interaction of the person with the world is training, but has impact, only that is necessary for person. We see it on the example of assimilation by the person of the native language. The sense of any language expression is understood in a culture context, language implicitly expresses such understanding of the world. Development of the native language happens in unconsciousness. The structure of the native language defines a way of perception of the world and cognitive features. Actually, it is a question of aprioristic forms of consciousness as basic designs on which all further cognitive experience of the person is constructed.

So, designing of reality happens by the help of aprioristic forms of sensual experience and mind (I. Kant). The person learns the world, proceeding from aprioristic structures of consciousness. Aprioristic forms of consciousness can be considered in quality of “hereditary working hypotheses” (G. Vollmer) which passed evolutionary natural selection (adaptation) [8]. Adaptive congenital structures correspond to reality so as far as provide an organism survival. Adaptation is an ability to reveal regularities of the world and on the basis of it to predict the future (E.

von Glasersfeld) [3]. The live system possesses a certain set of operations (H. Maturana, F. Varela) [6] therefore cognitive processes are already predetermined by feature of the organization and system functioning. Congenital mechanisms (“the closed programs”) are structures for organism adaptation. They are necessary for perception and process information necessary for a survival. They precede experience and are prerequisites of knowledge of the world.

Ability of the person to get and accumulate information on the world (“the open program”), though it isn’t concluded in a genome, but is carried out on the basis of congenital cognitive structures. Knowledge from past experience designs new knowledge. J. Piaget called it as “action schemes”. Thanks to “cognitive balance” all contradictions with past experience are eliminated. It promotes training. Training happens to the help of two processes – assimilations and accommodations. Assimilation is an accession of new objects or new situations to cognitive schemes. Accommodation is an adaptation of cognitive schemes to new conditions. Accommodation finishes process of “cognitive balance” [7].

M. Polanyi notes that though we clearly understand the volume and specifics of our knowledge, we hardly imagine it in details. Understanding of these details happens in case we seize all subject domains which they enter as part. This feeling by the nature is similar to not articulated knowledge, helping to find a way in a difficult situation; however it has wider sphere of application thanks to participation in it linguistic indexes. Their ability to adapt allows us to keep constantly in the field of vision the huge volume of skilled data and to keep confidence that these uncountable data if it is required, can be at our disposal [4]. Thus, education is a latent knowledge.

From the constructivist point of view education plays a fundamental role in development of the individual – provides his survival, adaptation. It is cultural process, instead of biological. There is a transformation “the person natural” into “the person cultural”. Education purpose: is expansion from the sphere of consciousness. Brain is the thought’s tool, his servant, but not the owner. The thought can be explained by means of the analysis of its creations. The teacher tries to induce his students’ thought by means of his own example. Its task: “to set in motion thought

train”. The same we can say about a person responsibility which isn’t created in the person, but is waken in him. For the person the moral is a choice which provides for freedom. Therefore education is a formation of freedom, understanding by the individual of the freedom and opportunity to make the choice, a responsible act. All the other in education are means for achievement of this main goal. It is impossible to foreknow what becomes this or that person. It can’t be created artificially, the help is only possible.

At the level of the basic designs which are cornerstone of education it is impossible to divide that is congenital that is acquired: congenital programs will organize behavior only schematically, they need the subsequent completion. Completion of hereditary programs (according to K. Lorenz – “an imprinting”) occurs when environment stimulates adequate behavior. “The imprinting” concretizes and specifies received information. If environment doesn’t show necessary irritants, congenital programs die away. Sometimes the organism creates designs which are exaggeration of properties of normal objects because it can improve the adaptation to unforeseen circumstances. Positive or negative emotions give information on success or failure of activity. Striving for positive emotions and trying to avoid negative emotions, the organism improves the cognitive designs [2]. Thus in ontological understanding education is not that the person knows and remembers, but that really influences his behavior.

Thus, on the basis of education we understand, we interpret the world, but we don’t feel education, itself getting used to follow the standards and rules which have no sufficient proof. Education is not that the person knows, but something that really influences his behavior. Education is a dynamic system of interaction between designs of consciousness and environment.

Each pupil develops an own way of educational activity depending on the features and interests. If study is organized correctly, pupils carry out at the same time some processes: process of individual and collective thinking, communication, establishing with each other mutual understanding, action (study), and also process of

a reflection and understanding. It is important to connect together all these processes: thinking, communication and action.

From the point of view of constructivism activity approach is methodology of successful educational process. What difficulties and barriers should be broken if to take activity approach as an education basis? This approach can negatively be perceived by representatives of various scientific and educational communities because it can change their deep organizational structures. Any social association relies in the life and work on specially created or spontaneously arisen constructs. The basic purpose of these constructs consists in adapting community for adverse living conditions, to hide a divergence, a formalism and indifference of the most part of his members, to subordinate community to any external authority. Activity approach, in fact, destroys these constructs, for example, by means of a reflection over educational activity. However this is the special method of work directed on creation of projects of the organization of collective activity which provides essentially new results in education. Such activity is fixed in individual thinking of pupils, and then shown in communication according to the maintenance of a training material. New rules of passing of educational process are formed. Participants of such educational activity again and again develop ways of self-determination. It becomes steady skill. The sense of self-determination consists in development of the relation to the sharpest, ambiguous elements of a situation, in development of own position. Self-determination precedes action.

So, in relation to the educational sphere, activity approach places emphasis that the individual not simply learns the outside world, he first of all learns features and regularities of own self-development. Process of knowledge, in fact, is limited to personal experience of the individual. This experience also should be taken as a basis of educational process. By means of experience there is a continuous reconstruction of the world in internal activity, there is a freedom of action and possibility of a choice. The educational actions organized such in a way stimulate the highest needs of the individual. The highest requirements start adjusting the lowest requirements in

a new way. Due to this process there is a continuous self-development and self-determination of the personality.

From a constructivism position, education is an individual process therefore pupils define the maintenance of a training material. Even if to consider that almost everywhere this content is imposed from the outside or moves in finished form, the pupil all the same makes a choice, showing interest in one subjects, and other subjects is hidden or obviously neglecting. If to study the majority of subjects “formally”, first, the result of such “training” will be useless, and secondly, the assumption and silent encouragement of such studying will be harmful from the moral point of view. Therefore from the point of view of constructivism it isn't necessary to divide at school training into subjects. Such division disturbs integration of the theory and practice. Many efforts are spent for hard, boring and routine work. The knowledge and skills got as a result of this work are absolutely useless outside of walls of educational institutions. There is no need to be engaged in storing of the maintenance of the subjects built on a sample of these or those sciences it is necessary to reflect over the problems important for each person.

Constructivist approach in education assumes “person-centered interaction” (C. Rogers) between participants of educational process. In fact, this is the same criteria of successful psychotherapy and successful pedagogical activity. Education, as well as psychotherapy, is the kind of activity connected with interaction of people one of which helps another to become better in life, to find self-confidence. It is necessary to agree quietly that we can't essentially teach something other person. And in life we get self-confidence from only such knowledge and experience which were got and endured by the person. And such knowledge and experience can't be passed on directly from one to another. Thus, education at best can create a good habit to positive perception of reality, to openness to all ways of activity. Education will create an active and adaptive living position. It is interestingly also useful to be trained only “do-it-yourself”, it is interesting to study that makes sense personally for the person that has significant impact on his behavior. And for this purpose it is very useful to be trained as a part of group. It is of the best way of training because there

will be an opportunity to reject own protective behavior and to try to understand other person.

Thus, constructivism in education is based on the following principles:

first, pupils on any education level have to investigate important problems of the life which they want to investigate;

secondly, for the teacher there has to be the main thing not whether he followed the program or used the best modern technical means, but as far as he could understand interests of pupils and build educational process on this basis;

thirdly, for the teacher it is important to develop skills of independent work of pupils, to strengthen in them feeling of success; the teacher of any discipline has to recognize that pupils who are in contact with vital problems, want to study, want to think, want to communicate, want to act;

fourthly, the teacher has to consider requirements of everyday life as the main tasks of education, that is the list of requirements is exposed not by the teacher, but everyday life, the teacher only provides means which the pupil can use to become successful in life;

fifthly, the teacher has to consider estimated means as “entrance ticket” in life; the assessment can't undermine at the pupil of self-esteem, desire to have own motivation, a freedom of choice in desire to receive this “entrance ticket”. It will be rescue from conformism for fear to make a mistake.

Bibliography

1. Borisov, S.V. Ideas of constructivism in philosophy of education: from ontology to phenomenology. *Life Science Journal*, 2014; 11 (11): 399-402.
2. Cardoso, S.H. and R. Sabbatini, 2001. Learning Who is Your Mother: The Behavior of Imprinting. *Brain & Mind: Electronic magazine on Neuroscience*, 11. Date Views 09.02.2014 www.cerebromente.org.br/n14/experimento/lorenz/index-lorenz.html.
3. Glasersfeld, E., 1997. *Radikaler Konstruktivismus: Ideen, Ergebnisse, Probleme*. Suhrkamp Verlag GmbH.

4. Hammond, P., 2004. Personal Knowledge and Human Creativity. *Tradition & Discovery: The Polanyi Society Periodical*, 2: 24-34.
5. Kasavin, I.T., A.Yu. Antonovsky and G.I. Ruzavin, 2009. Constructivism. Encyclopedia of an epistemology and science philosophy. Moscow: "Canon +" ROOI "Rehabilitation", pp: 373-380.
6. Maturana, H. and F. Varela, 1980. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living Ratings. D. Reidel Publishing Company, pp: 63-134.
7. Piaget, J., 1955. The Construction of Reality in the Child. (The last chapter). Date Views 08.02.2014
www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/fr/piaget2.htm.
8. Vollmer, G., 1975. Evolutionäre Erkenntnistheorie: angeborene Erkenntnisstrukturen im Kontext von Biologie, Psychologie, Linguistik, Philosophie u. Wissenschaftstheorie. Hirzel.

УДК 1(091)

**ВОЗРОЖДЕНИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ
МЫШЛЕНИЯ И РЕФЛЕКСИИ В РАБОТАХ Л. ФЕЙЕРБАХА**

Шатова Наталья Дмитриевна

Омский государственный педагогический университет, г.Омск

Shatova.nat@yandex.ru

**THE REVIVAL OF THE MATERIALISTIC UNDERSTANDING OF
THINKING AND REFLECTION IN THE WORKS OF L. FEUERBACH**

Shatova Natalya Dmitrievna

Omsk state pedagogical university, Omsk

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование материалистических основ мышления и рефлексии в работах Л. Фейербаха. В статье показано, что материалистическая традиция в понимании мышления вообще и рефлексии, в частности, утерянная в философии Нового времени,

возрождается Л. Фейербахом. Философ отвергает традиции идеализма и принимает мышление, которое исходит из природы и выступает необходимым психофизиологическим свойством человека. Тем самым мышление, согласно Л. Фейербаху, а значит и рефлексия, как мышление о мышлении, находятся в тесной взаимосвязи с мозгом. В рефлексии человек отличает себя мыслящего от телесного, устраняя при этом бессознательную связь с мозгом и познавая истину как единство *Я* с *Ты*. Вместе с тем автор статьи утверждает, что материалистическая трактовка рефлексии не продвинулась далее материализма античной философии и находится в сочетании с идеалистической.

Ключевые слова: материализм, мышление, рефлексия, Л. Фейербах.

Abstract. The purpose of this article is to study the materialistic bases of thought and reflection in the works of L. Feuerbach. The article shows that the materialist tradition in the understanding of thinking in General and reflection in particular, lost in philosophy, revived by L. Feuerbach. The philosopher rejects the tradition of idealism and adopts the mindset that comes from nature and is a necessary physiological property of man. Thus thinking, according to L. Feuerbach, and hence reflection, as thinking about thinking, are in close relationship with the brain. In reflection of man distinguishes himself from thinking of corporal, eliminating in this unconscious communication with the brain and knowing the truth as the unity I'm with You. However, the author argues that the materialist interpretation of reflection have moved beyond the materialism of ancient philosophy and is combined with idealistic.

Keywords: materialism, thinking, reflection, and L. Feuerbach.

Результаты исследования онтологической сущности рефлексии в трудах материалистов и идеалистов Нового времени позволяют нам признать, что этот исторический период характеризуется существенным изменением философских взглядов на рефлексия. Нами показано [4], что рефлексия, изначально трактуемая в рамках материалистической традиции, в философии Ф. Бэкона и Дж. Локка утрачивает свои материалистические основы и посредством

сенсуализма становится объектом субъективного идеализма Дж. Беркли, Д. Юма, Г. Лейбница, И. Канта, И. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга, а затем и объективного идеализма Г.В.Ф. Гегеля. Но, как известно, онтология и теория познания Нового времени не останавливается на идеализме, а возвращается к материализму в работах Л. Фейербаха. В этой связи, настоящая работа направлена на исследование материалистических основ мышления и рефлексии в работах Л. Фейербаха.

Материалистическая гносеология Фейербаха [2], [3] выстраивается в прочной связи с естествознанием, что выражается в отрицании субстанциальной сущности мышления и исследовании человека как субъекта мышления. От идеалистической позиции Фейербаха отличает то, что его *Я* есть действительный субъект, имеющий тело и мыслящую голову, в то время как в идеализме *Я* есть мыслимый, но не вещественный субъект. Сам Л. Фейербах говорит о невозможности разрыва духовной деятельности и её материальной основы. При этом сущность человека состоит в мышлении, которое у идеалистов превращено в чудо. Л. Фейербах отвергает выдвинутый идеалистами приоритет сознания, говоря о том, что «мышление исходит из бытия, а не бытие из мышления» [2, с. 128]. Такая позиция Л. Фейербаха находится в полной противоположности к позиции Г.В.Ф. Гегеля, согласно которой, мысль – бытие, мысль – субъект, бытие – предикат.

В своей критике идеализма Л. Фейербах исходит из тех положений, которые составили основу гегелевской философии. В первую очередь Л. Фейербах подвергает сомнению установление Г.В.Ф. Гегелем абстрактного «начала» в философии – с его точки зрения, «началом» могли быть определены и действительное бытие, и разум, к которому отсылает бытие. Кроме того, Л. Фейербах отмечает, что дух или бог как материальная реальность духовного начала, не освобождены от материи и не доказали свою истинность, поскольку их «превращение» в независимую от материи субстанцию несостоятельно. Противостоящая духу материя у Гегеля есть лишь модификация духа и этим он объясняет превосходство духа над материей. Фейербах говорит, что, наоборот,

преобразование духа в материю и есть основание для признания не духовного начала, а материального, чувственного. Согласно Л. Фейербаху, без человека сознание немислимо, в то время как Гегель рассматривает трансформацию индивидуального разума в абсолютный дух, обособленный и абстрагированный от человека, и тем самым отрывает от человека сознание.

В противоположность Г.В.Ф. Гегелю, Л. Фейербах рассуждает о человеке как о части природы, которая «телесна, материальна, чувственна» [3, с. 665], при этом он утверждает, что своим происхождением человек обязан природе, а не богу. Вследствие этого и мышление человека исходит не от бога, а от природы. Все психические явления и мышление, в частности, философ связывает с физиологическими явлениями. Тем самым мышление человека – это не отдельно существующая субстанция, а его неотъемлемое психофизиологическое свойство. Именно человек есть субъект мышления, а не некое нематериальное существо. «Мышление есть *непосредственная* деятельность, поскольку оно – *самодетельность*. Никто не может за меня мыслить; в истинности мысли я убеждаюсь только *через самого себя*» [2, с. 63]. Как отмечает М.Г. Макаров [1], положение Фейербаха о связи психического и физиологического является одним из материалистических принципов, в дальнейшем составивших марксистскую философию.

Говоря о мышлении как психофизиологическом свойстве человека, Л. Фейербах обращает внимание на субъективность мышления. При этом, несмотря на неразрывную связь мышления и мозга, человек может мыслить и не знать о существовании мозга и о протекающих мыслительных процессах. По словам Фейербаха, возникающее в этой связи человеческое чувство о кажущемся отсутствии мозга субъективно и неправильно, поскольку «из того, что мышление для меня не мозговой акт, а акт, отличный и независимый от мозга, не следует, что и *само по себе* оно не мозговой акт» [2, с. 213]. И Л. Фейербах далее заключает, «что для меня, или субъективно, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то *само по себе*, или объективно, есть материальный, чувственный акт» [2, с. 213–214].

В продолжение своих рассуждений о мышлении Л. Фейербах говорит о возможности мыслить мышление, что, с нашей точки зрения, есть не что иное, как рефлексия. Согласно Фейербаху, в реальности в мышлении мышления человек не может отличить себя (себя как *Я*) от органа мышления – мозга, но он может это сделать в воображении (и это будет логическое различие). Таким образом, именно рефлексия позволяет различить себя мыслимого. И в следующих словах Л. Фейербаха мы находим подтверждение этому: «Только при рефлексии над собою я отделяю мысли от головы» [2, с. 218]. Согласно Фейербаху, в рефлексии человек познаёт себя как другого человека. И в этом истина познания.

По утверждению Л. Фейербаха, человек мыслит мышление как субъективную деятельность, из чего следует, что мышление субъекта находится, прежде всего, в зависимости от состояния организма. Основа мысленной сущности, как утверждает Л. Фейербах, находится в чувственной сущности человека и, в этой связи, «умственные люди суть голово-чувственные, головные люди» [2, с. 230]. И «если человек не отличается от скота в ощущении, то он не отличается от скота и в мышлении» [2, с. 231].

Тем самым мы вправе полагать, что гносеология Л. Фейербаха продолжает линию, берущую начало в материалистическом сенсуализме (прежде всего, Ф. Бэкона и Дж. Локка), и принимает чувственный источник познания. При этом мышление есть высшая познавательная способность, которая опирается на чувства. Ощущение даёт образ предмета. Мышление, опираясь на ощущения, различает сущность предмета, отражает общее и отношения объективной реальности. Таким образом, мысль, основанная на ощущении, в философии Л. Фейербаха – это образ, копия внешнего мира.

Именно в этой связи основу процесса познания, согласно Л. Фейербаху, составляет единство пассивности и активности субъекта. С одной стороны, субъект через *Я*, которое как телесное образование пассивно, познаёт внешний мир, с другой стороны, через познание внешнего мира субъект познаёт себя. Согласно Л. Фейербаху, для вхождения внешнего в *Я* телесное в этом телесном

Я должна быть основа для такого вхождения и в этом проявляется активность *Я*. Тем самым субъект познаёт себя через объект – ощущение и основанное на нём мышление в философии Фейербаха становятся субъективным проявлением объективных свойств предмета. Несмотря на общеизвестную «принадлежность» философии Л. Фейербаха к материализму, по нашему мнению, единство пассивности и активности, составляющее основу фейербаховской гносеологии и теории мышления, всё же находится в пределах идеализма и представляет собой не что иное, как единство противоположностей, составляющее суть диалектического метода Гегеля. Аналогичную точку зрения высказывает и М.Г. Макаров, который отмечает, что активность субъекта у Л. Фейербаха выражается «в выборе предмета и наложении отпечатка на продукт познавательного процесса, сводится к деятельности в сфере идеального» [1, с. 182].

Таким образом, на основании вышесказанного мы вполне можем утверждать, что, согласно Л. Фейербаху, посредством рефлексии человек отличает себя мыслящего от телесного. При этом он устраняет бессознательную связь с мозгом и познает истину как единство *Я* с *Ты*. В рефлексии, как познании через объект пассивным телесным *Я* себя, *Я* выступает ищущим в себе образ объекта, т.е. *Я* активно. В этом заключается единство пассивности и активности *Я*, и, с нашей точки зрения, это представляет некую уступку идеализму. Вместе с тем, Л. Фейербах, отвергая традиции идеализма, принимает мышление, исходящее из природы, выступающее необходимым психофизиологическим свойством человека и находящееся в тесной взаимосвязи с мозгом. Тем самым Л. Фейербахом возрождается материалистическая традиция в понимании мышления и рефлексии, в частности. Признавая величайшую заслугу Л. Фейербаха по возрождению материалистической традиции в понимании рефлексии, одновременно с этим, мы констатируем, что материалистическая трактовка рефлексии не продвинулась далее материализма античной философии и находится в сочетании с идеалистической. Уступка идеализму, на первый

взгляд, обогащает теорию мышления, которую предлагает Л. Фейербах. На самом деле эта «прививка» идеализмом отдаляет теорию мышления от поиска материальных основ.

Библиографический список

1. Макаров М.Г. Развитие понятий и предмета философии в истории ее учения. – Л. : Наука, 1982. – 269 с.
2. Фейербах Л. Избранные философские произведения. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 1. - 676 с.
3. Фейербах Л. Избранные философские произведения. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 2. – 942 с.
4. Шатова Н.Д. Онтологические основы рефлексии в материализме и эмпиризме Нового времени // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре технического университета. — 2015. — №4.— С. 76–86.

СЕКЦИЯ История философии

РУССКАЯ ИДЕЯ: СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Пенионжек Евгения Владимировна

Уральский юридический институт МВД России

penionzhec@yandex.ru

THE RUSSIAN IDEA: THE SPECIFICITY OF THE NATIONAL IDEA

Penionzhek Evgeniya Vladimirovna

Ural juridical Institute of MIA of Russia

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отечественного философского мышления на примере средневековой философской мысли. Анализируется становление философского взгляда на национальную идею.

Рассматриваются аспекты наполнения русской идеи самостоятельным содержанием на основании размышлений русского книжника Филофея Псковского.

Ключевые слова: отечественная философия, русская средневековая философия, русская идея, история, эсхатологическое время

Abstract. The article considers features of domestic philosophical thought in medieval philosophy. Analyzes the emergence of the philosophical view of the national idea. Discusses aspects of the content of the Russian idea of self-content based on the reflections of a Russian scribe Philotheus of Pskov.

Key words: Russian philosophy, Russian medieval philosophy, Russian idea, history, eschatological time

В Средние века была достаточно популярна идея Третьего Рима, которая явилась для русских книжников основанием для наполнения русской идеи самостоятельным содержанием. После присоединения к Москве в 1510 году Пскова псковский монах Филофей, известным своими хронографическими трудами, в «Послании о неблагоприятных днях и часах»¹ называет Третьим Римом – Москву. Московское государство в его сочинении окончательно перенимает симфоническое устройство православной империи у Константинополя. Филофей Псковский прославляет историю, так как она привела к утверждению Москвы как центра всего человечества. И так как весь мир погружается во тьму неверия, по Филофею Псковскому, то Московская Русь становится независима от соседних государств. В эпоху Ивана Грозного доктрина Филофея Псковского достигает расцвета (послание, приписываемое псковскому книжнику Филофею, было отправлено именно молодому Ивану IV, который коронуется «Царем всея Руси» в 1547 году) и формирует составляющие русской идеи как понимания предназначения российской государственности.

¹ Далее будем называть «Послание на звездочетцев» как более распространенное наименование этого сочинения.

Согласно псковскому монаху Филофею, история является последовательной сменой мировых держав. Первая держава была основана героями Троянской войны, названа Древним Римом. Ее сменил Рим Второй – Восточная Римская империя. После отпадения Второго Рима от православной веры в результате Флорентийского соглашения и захвата столицы Восточной Римской империи турками, Третьим Римом провозглашается Москва как защитница и центр истинного православия. Падения Москвы Филофеем Псковским не допускает: «Четвертому же Риму не быть», – как бы останавливая последовательность времени, фиксируя центр – Москву как застывшее настоящее, подобное вечному. Это уподобление исторической действительности вечному существованию, согласно псковско-московской доктрине, продлится лишь какой-то срок, приведет к окончанию исторического времени, к преемству земного вечным Божественным.

«Ранее, однако, не было создано ничего похожего на трехчленную конструкцию Филофея, своего рода ²отрицания отрицания², дополненное отказом от возможности появления четвертого члена или этапа (²а четвертому не быть²)»². В «Послании на звездочетцев» Филофеем Псковским говорится о так называемом Ромейском царстве, Третьем Риме. Ромейское царство нельзя разрушить. Священным ромейским царством, Третьим Римом, называет Филофеем Псковским «Царство нашего государя». Однако все человечество, как указывает Филофеем Псковским, существует на земле, в длительном историческом времени. И не стремится в вечность. Говоря «Два Рима пали», Филофеем Псковским не имеет в виду крушение Западной Римской империи под ударами варваров в V веке и падение Восточной Римской империи в 1453 году от нашествия турков-османов. Он утверждает, падение империй происходит вследствие отступления от веры.

Филофеем Псковским указывает, что «...с большим смирением и с великим опасением подобает блюсти и хранить чистоту веры и творить

² Синуцына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI века). – М., 1998. – С. 222.

заповеди»³. В «Послании на звездочетцев» Филофей Псковский противопоставляет астрологическому латинскому пророчеству (об окончании мира в 1492 году) собственное эсхатологическое пророчество. Идея Третьего Рима совмещает связи своего времени и духовную вертикаль «...как в смысле длительности исторического времени земного существования ²последнего царства², так и в смысле предуготовления – нравственного и духовного – к эсхатологическому концу»⁴.

Формулой преемственности для Филофея Псковского становится понятие «неразрушимого Ромейского царства», которое существует, «пребывает». «²Ромейское царство² – не государственно-политическое образование, но духовное христианское царство, возникшее в эпоху воплощения Слова»⁵. Ромейское царство как земную жизнь Иисуса Христа со святыми Филофей Псковский противопоставляет двум Римским державам. Филофей Псковский образно рисует «положительное» царство. Русский книжник самостоятельно производит свою мысль, используя «...при этом противоположный источнику⁶ оценочный знак»⁷. «...Необратимое разорение греческого царства (в источнике о его невозможности сказано в императивно-отрицательной форме, относящейся к будущему), формула ²снидошася² (о соединении царств) и императив ²а четвертому не бытии²»⁸ коррелируя между собой, производят понятие «удержания», то есть мощи, благодаря которой царство антихриста не в состоянии наступить.

Филофей Псковский повторяет слова «Откровения Иоанна Богослова» так: «Согласно же великому Богослову: ²Жена, облаченная в солнце, и луна под ногами ее, и младенец на руках у нее, и тотчас вышел змей из бездны,

³ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Киев, 1991. – С. 11.

⁴ Симицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI века). – М., 1998. – С. 324.

⁵ Там же. С. 236.

⁶ Отметим, по всей видимости, Филофей Псковский опирается на книгу пророка Даниила, четвертым царством назван «зверь», несущий разрушение.

⁷ Симицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI века). – М., 1998. – С. 262.

⁸ Там же. С. 266.

имеющий семь голов и семь венцов на головах своих, и хотел младенца этой жены поглотить. И даны были жене крылья великого орла, чтобы бежала в пустыню, и тогда змей из всех своих уст источил воду, словно реку, чтобы в реке ее утопить^{2»}⁹. Филофей Псковский утверждает, что Ромейское царство нисходит с небес как вечное царство, а не является передачей, наследованием или идентичностью, обреченными на истребление¹⁰. Слова «Откровения Иоанна Богослова» напрямую указывают на такой временной модус, как прошлое: «...восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его»¹¹, – что определяет время как линейное. Филофей Псковский делает акцент на «чуде»: «...и даны были жене крылья великого орла, чтобы бежала в пустыню»¹². В тексте Филофея Псковского «чудесное» является иллюстрацией исторического времени. Однако Филофей псковский продолжает: «Водой называют неверие; видишь, избранник божий, как все христианские царства затоплены неверными, и только одного государя нашего царство одно благодатью Христовой стоит»¹³. Этот фрагмент текста в четкой и ясной форме трактует эсхатологическое понимание времени как специфику национальной идеи. Если события исторического времени, пусть даже сакрального характера, сменяют друг друга, то эсхатологическое время обнимает всю историю.

Христианское «Ромейское царство» как вселенское царство образуется в качестве противостоящего Западной Римской Империи, но мистически возникающее в этом государстве. Филофей Псковский рассуждает «...а четвертому не бывать»¹⁴ только в том случае, если есть правитель русского государства. Он переносит функцию охраны веры с русского народа на

⁹ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 453.

¹⁰ Здесь необходимо сослаться на древнегреческий миф о Хроносе, чудовище, пожирающем своих детей, в сущностной форме представляющий концепцию обратимого времени, которому не суждено трансформироваться в линейное, а значит, стать историческим временем, и уж тем более, эсхатологическим временем.

¹¹ Откр. 12:5.

¹² Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 453.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Василия III: «Скажем несколько слов о нынешнем православном царстве пресветлейшего и высокостолнейшего государя нашего, который является единственным христианским царем во всей поднебесной и браздодержателем святых божиих престолов святой вселенской апостольской церкви, которая вместо римской и константинопольской находится в богоспасаемом граде Москве [во имя] святого и славного Успения Пречистой Богородицы и которая светится паче солнца, единственная во вселенной. Так знай же, христоролюбец и боголюбец, что все христианские царства окончили свое существование и сошлись в едином царстве нашего государя; по пророческим книгам, это есть Ромейское царство. Ибо два Рима пали, Третий стоит, а четвертому не быть. И апостол Павел многократно вспоминает о Риме в Посланиях, в Толковании говорит: Рим весь мир»¹⁵. Этот фрагмент указывает на то, что титул правителя России как государственного и московско-церковного объединения означает указание на вселенские функции правителя, который является единым и единственным царем всех христиан, «браздодержателем церковных престолов». Также констатируется аккумуляция в «царстве нашего государя» функции «Ромейского царства». И понятие «Третий Рим» отождествляется с понятием Ромейского царства. Дополнительный аргумент, указывающий на возможность перемещения «Ромейского царства», сообщает, что оно не имеет единственной и постоянной пространственно-временной характеристики. Через понятие соединения Россия превращается в Ромейское царство, то есть последнее земное царство, о котором говорят «...пророческие книги»¹⁶. Указание «...а четвертому не бывать»¹⁷ является эсхатологическим знаком, указанием на последнее царство, которое соединяет судьбы православных царств в духовном пространстве. В этом случае, дополнение «...Рим весь мир»¹⁸ подтверждает тождественность понятия «Ромейское царство» и Москвы

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

как Третьего Рима в реалиях русского государства Московской Руси¹⁹.

В «Послании на звездочетцев» Филофей Псковский нет формулы «Москва – Третий Рим», она появляется значительно позднее в XVII веке в повестях о начале Москвы²⁰. У Филофея Псковского речь не идет о географическом названии. «Имени города как такового в послании нет, оно присутствует в форме прилагательного и относится к Церкви»²¹. Филофей Псковский говорит о городе Москва как символе Церкви, а значит, мира. Так Филофей Псковский наполняет характеристики русской идеи как понимания национального предназначения. Образ апокалиптической жены, символизирующей Церковь, используется Филофеем Псковским для объяснения состояния Духа в царстве Третьего Рима. Русское государство остается в состоянии покоя, так как «...благодатью Христовой стоит»²². Стояние подразумевает противостояние росту «...неверия»²³ и нашествия «...неверных»²⁴, от чего Русь «спасается» образом «...жены, облаченной в солнце»²⁵, то есть завершением эпохи Бога-Святого Духа, обретением «покоя» христианской церковью в Третьем Риме. История России наполняется пониманием подвижничества всего народа для духовного воссоединения с идеальным смыслом.

В заключение «Послания на звездочетцев» Филофей Псковский вновь обращается к «Откровению Иоанна Богослова»²⁶: «...благословенный же

¹⁹ Если трактовать текст «Послания на звездочетцев» в сугубо прагматической манере, то необходимо указать на то, что Филофей Псковский возводит время русской истории к Ромейскому царству, чтобы объяснить вечность православного царства, а, значит, обеспечить стабильность государству Московской Руси.

²⁰ Например, «Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой Епископии», написанное во второй половине XVII века.

²¹ *Синицына Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI века). – М., 1998. – С. 243.

²² Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI веков. – М., 1984. – С. 453.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Ср.: «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» [Откр. 20.6].

наперсник в своем «Откровении» говорит: ²В последние времена спасаясь, спаси свою душу, да не умрем второю смертью, в геене огненной, но обратимся ко всемогущему во спасении господу с мольбами искренними и усердными слезами восплачемся перед ним, чтобы смилостивился, отвратил ярость свою от нас, и помиловал нас, и сподобил нас услышать сладкий, блаженный и вожделенный его глас: ²Придите, благословенные, наследуйте уготованное вам царство отца моего прежде кончины мира²⁷. Далее Филофей Псковский продолжает назидательно: «Живи же, спасаясь и здравствуя, во Христе»²⁸ – в тысячелетнем царстве Иисуса Христа с праведниками. Историей России Филофей Псковский считает путь нравственного очищения и совершенствования, ведущий именно к такому со-бытию народа и государства.

Библиографический список

1. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984.
2. Пенионжек Е.В. «История» Филофея Псковского // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2006. – № 1 – 2. – С. 112 – 119.
3. Пенионжек Е.В. Идеи библейской историософии в христианской культуре Средних веков. – Екатеринбург, 2009.
4. Сеницына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI века). – М., 1998.
5. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Киев, 1991.

²⁷ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI веков. – М., 1984. – С. 455.

²⁸ Там же.

УДК 18

СИМВОЛ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Малахова Елена Владимировна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
г. Москва

elena_malahova@bk.ru

SYMBOL IN A SPACE OF AESTHETIC COMMUNICATION

Malakhova Elena Vladimirovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы соотношения символического и эстетического и способов передачи эстетической информации. Особое внимание уделяется специфике эстетической информации, что позволяет говорить о степени ее онтологической и гносеологической значимости.

Ключевые слова: символ, эстетическое, восприятие, искусство, информация

Abstract. This article examines a problem of connecting symbolic to aesthetic and ways of transmission of aesthetic information. Utmost attention is given to specification of aesthetic information in order to find out its ontological and epistemological value.

Key words: symbol, aesthetic, perception, art, information

Этот небольшой очерк мы посвятили проблеме коммуникации посредством символов – знаков особого рода, присутствующих, тем не менее, в любом культурном пространстве и в любой исторический период.

В данной работе мы разделяем понятия «знак» и «символ», пользуясь

определением С. С. Аверинцева, где символ «есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и ... знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа» [1, с. 607.].

Нас будет интересовать передача информации не только и не столько семантической, но, в первую очередь, эстетической, с чем из всех знаков справляются именно символы. Символ интересен тем, что обозначает не предмет, а результат деятельности сознания познающего субъекта, о чем пишут в своей исследовании Мамардашвили и Пятигорский [6, с. 98-100].

Что касается понятия «эстетического», то здесь мы воспользуемся емкой формулировкой А. Ф. Лосева, согласно которой «эстетическое есть выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно-исторических отношений» [4, с. 1028].

С одной стороны, объекты воспринимаются эстетически, с другой стороны, их задействованность в «общественно-исторических отношениях» определяется тем, что все они несут в себе знаковую функцию, то есть, как минимум, должны принадлежать коммуникативному пространству культуры [2, с. 227].

Сама по себе эстетическая способность суждения, досконально исследованная Кантом в «Критике способности суждения» – это «способность судить о формальной целесообразности ... на основании чувства удовольствия или неудовольствия» [3, с. 139], потенциально применимая ко всему, что может быть нам дано в ощущениях.

Примечательно, что Кант принципиально не выводит существа эстетических суждений из каких-либо свойств объектов и не ограничивает область эстетического только искусством. «То, что в представлении об объекте чисто субъективно, то есть составляет отношение представления к субъекту, а не к предмету, есть эстетическое свойство этого представления» [3, с. 135]. С эстетической точки зрения предмет потому «называется целесообразным, что представление о нем непосредственно связано с

чувством удовольствия; и само это представление есть эстетическое представление о целесообразности» [3, с. 135], лежащее вне какой бы то ни было иной, объективной цели.

Однако, несмотря на всю субъективность эстетического переживания, передача эстетической информации является необходимой частью как личной социализации, так и развития культуры в целом. А. Моль в работе «Теория информации и эстетическое восприятие» акцентирует внимание на проблеме эстетического сообщения, которое противится всяческому переводу и перекодировке – в том числе в силу того, что любой воспринимающий его человек каждый раз переживает уникальное и неповторимое состояние [7, с. 200, 202].

Соотношение символического и эстетического рассматривается А. Ф. Лосевым в работе «Проблема символа и реалистическое искусство» [5]. Лосев пишет, что символичность вполне может существовать без художественности, однако художественность всегда символична, так как подлинное произведение искусства видится «перспективой бесконечных проявлений и воплощений данной художественной общности в отдельных частностях и единичностях» [5, с. 119].

Об особенностях эстетической коммуникации писал также и Я. Мукаржовский, работы которого мы здесь обязаны упомянуть, так как они помогут нам пролить свет на то, как именно связаны знаковая и эстетическая составляющие символа.

Произведение функционирует как «символ..., которому в коллективном сознании соответствует определенное значение (иногда мы называем его «эстетическим объектом»), данное тем общим в субъективных состояниях сознания членов некоего коллектива» [8, с. 191], которое вызвано произведением, полагает Мукаржовский.

Эстетическое, таким образом – это приданное произведению конкретными субъектами значение. Не важно при этом, будет ли тот или иной объект оцениваться как эстетический всеми реципиентами или только

какой-то отдельной группой.

Мукаржовский считает, что действительность, рассмотренная с эстетической позиции, всегда приобретает характер знака особого рода [8, с. 124]. «При эстетическом знаке внимание ... сосредоточивается на самой действительности, которая становится знаком: перед глазами воспринимающего раскрывается все богатство ее свойств, а тем самым и все богатство, вся сложность акта восприятия... Эстетический знак указывает на все явления действительности, которые человек пережил или еще может пережить, на весь универсум вещей и действий... Носителем эстетической функции ... может быть любое явление...» [8, с. 125].

Эстетическая позиция способна придать окружающему миру ценность в том случае, когда люди не доверяют другим оценкам или же еще не сформировали их.

«Только эстетическая функция позволяет человеку выступать по отношению к универсуму в роли чужеземца, который всегда оказывается в незнакомом крае и воспринимает окружающее с непритупленным и настороженным вниманием, всегда заново осознает себя благодаря тому, что проецирует себя в окружающую действительность, и познает эту действительность благодаря тому, что измеряет ее собою» [8, с. 127].

Следовательно, наличие эстетической составляющей в любом предмете придает ему ценность и самому по себе, и как некой специфической призме, способной отразить в себе действительность целиком (и таким образом, предмет этот становится символом). В ситуации, когда и сама эта действительность, и место в ней воспринимающего индивида теряют незыблемость, подобная позиция может стать для восприятия якорем, который позволит удержать от распада или даже вновь собрать личную картину мира.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

2. Баркова Э. В. Ежов В. С. Эстетическая культура человека. – Новосибирск: Сиб. гос. ун-т телекоммуникаций и информации, 2003. – 175 С. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3.
3. Кант И. Критика способности суждения СПб.: Наука, 2006.
4. Лосев А. Ф. Две необходимые предпосылки для построения истории эстетики до возникновения эстетики в качестве самостоятельной дисциплины // Эстетика и жизнь. М., 1979. Цит. по Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М., Гардарики, 2004.
5. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.
6. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997.
7. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966.
8. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994.

СЕКЦИЯ Этика

УДК 140.8

МОРАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

Полубояров Дмитрий Иванович

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск

konfmodern@yandex.ru

MORAL PICTURE OF WORLD

Poluboyarov Dmitriy Ivanovich

Mordovia State University

Аннотация. В статье дается описание моральной картины мира как системного отражения мира через координатную сетку моральных представлений, норм, принципов, ценностей, оценок, идеалов отдельных личностей, социальных групп и общества в целом. Индивидуальное мироотношение здесь особым образом переплетается со всеобщим долгом и национальной спецификой, гармоничным образом соединяя единичное, общее и особенное. Автор полагает, что зачатки принципов морального поведения заложены в языковой картине мира. Усваивая язык, ребенок усваивает и систему оценок и норм, имплицитно заложенную в системе лексических значений. В этом случае можно говорить о «наивной этике» (в отличие от научной этики), подчеркивая общественно-психологический характер этого социального явления. На другом – общественно-идеологическом уровне моральной картины мира находятся теории и концепции этики как науки, рефлектирующей над реальной нравственностью и задающей нормы и принципы нравственного поведения. В современном обществе происходит фрагментация моральной картины мира. Средством ее преодоления, по мнению автора, является возвращение к религиозным, философским, национальным ценностям, помещающим в центр моральной картины мира безусловный долг, любовь к ближнему, патриотизм и прочие идеи, основанные на четко понимаемой традиции. Только в этом случае эта картина мира способна раскрыть свой духовный потенциал и в полной мере реализовать свои социальные функции.

Ключевые слова: картина мира, мировоззрение, мораль, нравственность, социальная философия

Abstract. The article describes the moral picture of the world as a systematic reflection of the social reality through a grid of moral ideas, norms, principles, values, judgments, ideals of individuals, social groups and society as a whole. Individual relation to the world here is interwoven with the universal duty and national characteristics, harmoniously combining individual, common and special levels of morality. The author believes that the basic principles of moral conduct can be found

in the linguistic world. Assimilating the language the child learns evaluation system and standards, implicitly inherent in the system of lexical meanings. In this case, we can talk about "naive ethics" (as opposed to scientific ethics), emphasizing the social and psychological nature of this social phenomenon. On the other (ideological) level, the moral picture of the world is based on the theories and concepts of ethics as a theoretical discipline, reflecting real morality and defining norms and principles of moral behavior. In contemporary society moral worldview is fragmented. To overcome it, in my opinion, we should return of the religious, philosophical, national values which place absolute duty, love to neighbors, patriotism and other ideas, based on well-understood tradition, in the center of a moral picture of the world. Only in this case the picture of the world can reveal its spiritual potential and fully realize its social functions.

Keywords: picture of the world, worldview, morality, ethics, social philosophy

Для того, чтобы адаптироваться к условиям жизни и выбирать наиболее предпочтительные формы поведения, необходимо иметь не просто общие представления о мире, но и определенное отношение к миру, которое обуславливается ценностями и убеждениями. Мораль является системой норм и ценностей, которые регулирующих отношения в обществе с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливости, ответственности и безответственности. Санкциями за нарушение моральных норм (в отличие от норм права) являются совесть и общественное осуждение. Соответствующие чувства и понятия, ценности и идеалы, убеждения и нормы, в совокупности представляющие оценочную «сетку» нравственных координат межличностных отношений и составляют нравственную картину мира. Нравственность задает особый ракурс отношения к миру, который серьезным образом отличается от ракурса религии, науки, права: она не требует письменного закрепления и формализации, транслируется от поколения к поколению в непосредственном общении, поддерживается при помощи неформальных санкций, концентрируется не на существе, а на должном и т.д.

Все особенности моральной оценочности и нормативности отражаются на картине мира человека, составляя особую ее форму. В.П. Даниленко и Л.В. Даниленко пишут: «Нравственная картина мира представляет собой образ мира, который вырисовывается в сознании человека сквозь призму его нравственного отношения к миру» [2, с. 346]. Схожее определение дает Т.Л. Зенкова. С ее точки зрения «нравственная картина мира – это видение мира сквозь призму характеристик моральных и этических норм и правил. Именно в нравственной картине осуществляется отражение неосязаемых духовных сущностей. Нравственная картина мира помогает человеку сформировать систему представлений об основных ценностях мироздания» [4, с. 8].

В целом, моральная картина мира – это системное отражение мира через координатную сетку моральных представлений, норм, принципов, ценностей, оценок, идеалов отдельных личностей, социальных групп и общества в целом. Индивидуальное мироотношение здесь особым образом переплетается со всеобщим долгом и национальной спецификой: именно в морали наиболее гармоничным образом соединяется единичное, общее и особенное. О.В. Завада пишет: «Моральную картину мира можно определить как духовную сферу взаимоотношения людей, пронизанную их субъективным отношением к действительности, но, в то же время, предполагающую искусство выявления объективной общественной значимости долженствования и норм, соотносимую с лексической системой языка, выражающей мораль. Моральная картина мира отражает определенное мировоззрение и имеет национальную специфику, поскольку ее носителем является определенный народ» [3, с. 34].

Моральная картина мира – это сложная система, усваиваемая (интериоризируемая) индивидом в процессе социализации. Отчасти она усваивается бессознательно или полусознано в процессе воспитания, наблюдения за другими, собственной деятельности, которая сопровождается одобрением или осуждением других. Подробно этот процесс и его результат описал Аристотель в своих работах, заложивших основы теории добродетели. В

этой теории знание занимает второстепенное место по сравнению с практикой: целью нравственного воспитания философ считал не знание того, что нравственно, а поведение в соответствии с нравственностью.

В реальной жизни многие моральные оценки и мотивы совершения поступков основываются не на этических теориях, а на моральной интуиции. Всякий нормальный человек может оценить поступки и явления и отличить добро от зла, однако далеко не всякий может дать четкое определение тому и другому. На этом основании Дж. Мур делает вывод о том, что добро – это абсолютно неопределяемое в рамках логики и языка понятие (такое же, например, как понятие «желтый»), для понимания которого требуется не теория, а интуиция: «суждения о том, что является добром самим по себе, очевидны сами по себе; для их обоснования нельзя привести никаких доказательств» [9, с. 233]. Иными словами, мораль человек получает, осваивая сложившуюся до него моральную картину мира.

Гораздо дальше пошел М. Хаузер, заявивший, что все люди вне зависимости от их социальных различий обладают врожденным моральным инстинктом, который позволяет им выносить практически мгновенные вердикты по поводу моральности или аморальности тех или иных действий, явлений или персон. Здесь Хаузер основывается на идее об «универсальной грамматике» Н. Хомского, считавшего, что язык у ребенка в соответствующих условиях развивается самопроизвольно. Точно так же у Хаузера всякий человек рождается с врожденной и закрепленной в структурах мозга моральной грамматикой. Освоение морали он сравнивает не с получением знаний в школе, а с биологически запрограммированным ростом конечности. Моральное поведение, соответственно, детерминировано генетически: «Одни компоненты этой способности сформировались под действием дарвиновского естественного отбора за миллионы лет до того, как появился наш биологический вид. Другие компоненты были добавлены или усовершенствованы в процессе эволюции вида и являются уникальными, присущими только человеку и его морали» [16, с. 29].

Нам ближе точка зрения тех исследователей, которые полагают, что зачатки принципов морального поведения заложены в языковой картине мира. Усваивая язык, ребенок усваивает и систему оценок и норм, имплицитно заложенную в системе лексических значений. В этом случае говорят о «наивной этике» (в отличие от научной этики), подчеркивая общественно-психологический, а не идеологический характер этого социального явления. В. С. Ли полагает, что в наивной этике «закреплен в языковой форме архетипический, глубинный способ познания человека как социальной данности, способ бытия отдельной личности в человеческом обществе. Начиная с древнейших сакральных памятников письменности и кончая сокровенными размышлениями философов и мыслителей, наивная этика в языковой форме закрепила так называемые вечные моральные ценности» [6, с. 156]. Моральные стереотипы, характерные для наивной этики, кристаллизуются в языковых формах; различия языков обуславливают национальную специфику каждой отдельной моральной картины мира.

Национальные и культурные различия моральных картин мира не отменяют их глубинного единства, основанного на универсальности общечеловеческих принципов морали. Выявление таких единых принципов, по нашему мнению, возможно только в диалогическом взаимодействии народов, культур и их картин мира. И. Э. Куликовская, исследующая воспитательные потенции нравственной картины мира, совершенно справедливо резюмирует, что ценностное «взаимодействие культур и цивилизаций предполагает и какие-то общие культурные ценности. Диалог культур может выступать и как примиряющий фактор, предупреждающий возникновение войн и конфликтов, и как средство духовно-нравственного воспитания и развития, ориентированное на становление ценностно-смысловой картины мира» [5, с. 334].

На другом – идеологическом уровне моральной картины мира находятся теории и концепции этики как науки, рефлектирующей над реальной нравственностью и задающей нормы и принципы нравственного поведения. В числе идеологических картин мира – теория добродетелей Аристотеля,

деонтология Аристотеля, учение о ненасилии Л. Н. Толстого и многие другие влиятельные этические системы. На современном этапе развития этической рефлексии наблюдается процесс институционализации морали: создаются декларации, провозглашающие этические принципы, для различных профессий и корпораций формируются этические кодексы. Все они искусственно формируют особый образ мира, задающий императивно-ценностные основания для жизни и действий в нем.

Идеологический и обыденно-психологический уровни моральной картины мира не отделены друг от друга непреодолимыми границами – они находятся в постоянном взаимодействии и фактически взаимопроникают друг в друга [12]. Точно также моральная картина мира не отделена от религиозной, правовой и т.д. [1, 10] Фактически внутри нравственной картины мира можно выделить множество более дробных уровней. Самая фундаментальная из попыток сделать это была предпринята И. Г. Фихте в его теории этического видения мира или воззрений на мир (Weltansicht). Видимо, именно эта теория послужила основой для дальнейшей разработки проблемы духовности у Г. В. Ф. Гегеля и в учении о языке В. фон Гумбольдта, который употреблял тот же термин. Собственно в современной социальной теории видение мира точнее всего соответствует понятию «картина мира».

Всего Фихте выделяет пять этических картин (видений) мира. Первая, низшая, опирается на сугубо чувственное восприятие; вторая – на представления о законе (внешние нормы); третья – на моральное творчество (внутренние нормы); четвертая – на религию. Пятая картина мира ориентируется на науку как таковую (не какую-то отдельную науку, а науку в целом) [7, с. 2]. Фихте пишет об этом так: «Пятое и последнее воззрение на мир есть взгляд с точки зрения науки. Науки, говорю я, единой, абсолютной и законченной в себе» [14, с. 71].

Фактически, путь духовного развития для Фихте есть восхождение от первой картины мира, воплощающей обыденно-психологический уровень в чистом виде, к последней, представляющей столь же чистую идеологию. В

каком-то смысле членение этической картины мира у Фихте повторяет то деление структуры картины мира на элементы, которое было предложено в начале параграфа: это связано с общими классическими историко-философскими корнями концепций Фихте, Гегеля и Гумбольдта.

Моральную картину мира можно дифференцировать и диахронически. Так, в догосударственную эпоху она опиралась на талион, в период расцвета цивилизаций – на золотое правило, в капиталистическом обществе – на утилитарные обоснования поступков. Е. Н. Яркова утверждает, что для современного общества утилитаризм остается основным приоритетом. С ее точки зрения он маркирует специфическое отношение современного человека к миру: «В деятельностном аспекте утилитаризм являет собой определенный тип программ, мотиваций человеческой деятельности, в основании которых лежит специфически утилитарное отношение к миру как к средству – источнику утилитарных благ. Критерием целесообразности деяний в условиях утилитарных ценностных ориентаций является степень их практической пользы для человека, интенсивность направленности на удовлетворение его базовых физиологических и социальных потребностей» [17, с. 73] .

Актуализация утилитарных установок, по мнению Ярковой, актуальна для современной моральной картины мира, в которой максимизация пользы становится ведущей задачей человека и общества.

Развернутый анализ современной картины мира с позиции философии морали дает А. Макинтайр. Он концентрируется на научно-теоретическом уровне картины мира и находит ее весьма фрагментарной. Макинтайр выдвигает тезис, согласно которому «в области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствие контекста лишены значения. На самом деле у нас есть лишь подобие морали, и мы продолжаем использовать многие из ключевых ее выражений. Но мы утратили – если не полностью, то по большей части – понимание морали как теоретическое, так и практическое» [8, с. 7]. Если Макинтайр прав, то основная моральная проблема современности состоит не просто в актуализации

потребительского отношения к миру, а в рассыпании моральной картины мира как таковой. В нашем распоряжении находятся лишь отдельные фрагменты различных картин мира, которые в ряде важных аспектов совершенно несовместимы между собой [11, 13, 15].

Альтернативой продолжающейся фрагментации моральной картины мира, на наш взгляд, является возвращение к религиозным, философским, национальным ценностям, помещающим в центр моральной картины мира безусловный долг, любовь к ближнему, патриотизм и прочие идеи, основанные на четко понимаемой традиции. Только в этом случае эта картина мира способна раскрыть свой духовный потенциал и в полной мере реализовать свои социальные функции.

Библиографический список

1. Ахиезер А.С. Концепция социальной философии в усложняющемся мире // Власть. – 2005. – № 7. – С. 54-62.
2. Даниленко В.П., Даниленко Л.В. Основы духовной культуры в картинах мира. – Иркутск: ИГЛУ, 1999. – 537 с.
3. Завада О.В. Картина мира сквозь призму морали // Magister Dixit. – № 3 (15). – 2014. – С. 32-38.
4. Зенкова Т.Л. Ценностные характеристики религиозной и нравственной картин мира в аспекте изучения духовной культуры // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 6-11.
5. Куликовская И.Э. Педагогические средства духовно-нравственного воспитания ребёнка // Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования. – Ростов н/Д: СКНЦ, 2012. – С. 329-337.
6. Ли В.С. О концептуализации нравственных представлений в русской языковой картине мира // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2015. – № 1 (266). – С. 156-158.

7. Лобанова Л.П. Этические основания картины мира в философской концепции И. Г. Фихте // Бизнес. Общество. Власть. – 2013. – № 16. – С. 2–10.
8. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. – М.: Академический Проект, 2000. – 384с.
9. Мур Дж. Принципы этики. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
10. Новое в социальной философии. – М.: ИФ РАН, 2006. – 324 с.
11. Сычев А.А. Модальности моральной ответственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2015. – № 2. – С. 37–45.
12. Сычев А.А. Философско-методологические основания интегративного подхода // Регионология. – 2013. – № 4 (85). – С. 99-102.
13. Сычев А.А. Этика воспитания: между долгом и ответственностью // Ведомости прикладной этики. – 2013. – № 42. – С. 96-108.
14. Фихте И. Г. Наставление к блаженной жизни. – М.: Канон+, 1997. – 400 с.
15. Фофанова К.В. Выбор и ответственность: переосмысление традиций // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 10. № 3. – С. 409-414.
16. Хаузер М. Д. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. – М. : Дрофа, 2008. – 639 с.
17. Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип нравственности: опыт концептуальной реконструкции // Вестник Тюменского государственного университета. – 2005. – № 3. С. 69-79.

УДК 172

ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Работа выполнена при поддержке ргнф15-33-11172а (ц) «культурная безопасность в условиях гетеротопии»

Бичарова Мария Михайловна

Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

valkirija@inbox.ru

VOLUNTARY CHILDLESSNESS WITHIN THE PROBLEMS OF CULTURAL SECURITY

Bicharova Mariya Michailovna

Caspian Institute of Sea and River Transport

Аннотация. Настоящая статья ставит своей целью изучение явления добровольной бездетности сквозь призму проблем культурной безопасности. Проводится анализ репродуктивных установок представителей двух регионов, и устанавливаются тенденции, являющиеся угрозой для демографической безопасности. Выявляется прямая связь между репродуктивным поведением и процессом формирования ценностных ориентиров. Автор делает вывод о том, что сохранению традиционного культурного идеала образа российской семьи способствует обращение к системе ценностей и традиций, характерной для российского национального сознания, в частности семье.

Ключевые слова: демографическая ситуация, культурная безопасность, национальная безопасность, семья, добровольная бездетность

Abstract. The given article is aimed to investigate the phenomenon of voluntary childlessness through the problems of cultural security. The analysis of reproductive directives of the representatives of two regions is conducted and the

tendencies to be threats for demographic security are stated. The connection between reproductive behavior and the process of value orientations formation is revealed. The author concludes that addressing to traditional for Russian consciousness values such as family can help to save traditional cultural ideal of the image of Russian family.

Key words: demographic situation, cultural security, national security, family, voluntary childlessness

Демографический вопрос в любом государстве всегда сопряжен с проблемой его национальной безопасности, причем для разных стран он может быть связан с решением разных, порой диаметрально противоположных задач. Так, правительства стран, в которых можно наблюдать демографический взрыв, направляют усилия на ограничение рождаемости, с целью ослабления нагрузки на систему социального обеспечения и экономику. В условиях депопуляции населения государство ставит задачи по повышению рождаемости и увеличению продолжительности жизни людей.

Проблемы, связанные с демографической ситуацией в современной России, начавшиеся еще в конце XIX века, несмотря на имеющиеся сдвиги с «мертвой точки» за последние пару лет, сегодня не теряют своей остроты. Открытая депопуляция населения нашей страны имеет целый ряд причин, в том числе связанных с недооценкой либо утратой семейных нравственных ценностей, моральных норм, принципов, идеалов, понятий добра и зла на фоне значительного миграционного прироста. Это ставит под угрозу сохранение социокультурной идентичности страны, а значит – ее культурной безопасности. В любой культуре безопасность – необходимое условие для дальнейшего развития цивилизации. Поскольку потребность в безопасности возникает практически в любой сфере человеческой жизни, можно разрабатывать данный концепт в более узких значениях, в частности, изучать проблему культурной безопасности. Изучение культурной безопасности как процесса поддержания национальной безопасности через развитие культурного самосознания,

позволяет обратиться к проблеме трансформации ценностных ориентиров, затрагивающих как общественную систему в целом, так и ее отдельные элементы, в частности семью.

Семья как наивысшая ценность и неотъемлемая часть мировой и отечественной культуры охраняется обществом, государством, религией. Универсальная и вариативная одновременно, семья сегодня как в нашей стране, так и на Западе, является жизненным ориентиром для большинства мужчин и женщин.

Однако в современных условиях система устоев, традиций и ценностных ориентиров, вполне естественно и неизбежно претерпевает изменения, которые трансформируют наш социум, наше миропонимание и самоопределение, что в итоге становится потенциальной угрозой для существования общества и национальной безопасности государства.

В частности можно говорить о целом ряде угроз демографической безопасности страны:

- отсутствие в обществе возможностей регулирования количества населения страны (социальной поддержки многодетных семей и др.);
- отсутствие заинтересованности граждан в регулировании численности семьи;
- рост социальной безысходности, алкоголизма, наркомании;
- деградация института семьи;
- антисемейная политика средств массовой информации;
- непропорциональное соотношение между рождаемостью в этнических группах и численностью этих групп.

Все эти угрозы провоцируют появление и все большее распространение в российском обществе представителей так называемых «не-родителей», активно пропагандирующих отказ от деторождения и мотивирующих свой выбор множеством на первый взгляд «уважительных» причин, таких как нестабильная экономика страны, слабое социальное обеспечение сложная геополитическая обстановка и пр.

Тенденции к созданию семей, сознательно отказывающихся от деторождения, наметились в конце XX века в США и ряде европейских стран.

В 1990-е появилось первое сетевое сообщество добровольно бездетных – The Childfree Network (США). Эта общественная сеть, имеющая более 30 представительств по всем Соединенным Штатам, включала идейных приверженцев отказа от деторождения и насчитывала более пяти тысяч человек. Перепись 2003 года в США обнаружила рекордное количество бездетных, таковыми были 44 % женщин в возрасте от 15 до 44 лет. Национальный центр статистики здравоохранения утверждает, что процент американских женщин детородного возраста, которые определяют себя как «добровольно бездетных», быстро растет: 2,4 % в 1982 году, 4,3 % в 1990-м, 6,6 % в 1995 году [2].

Сегодня в странах Европы, а также США и Австралии слово «чайлдфри» стало частью повседневности: любого человека без детей все чаще, не вдаваясь в причины бездетности, называют «чайлдфри» вместо «чайлдлесс» (от англ. childless – бездетный), поскольку отсутствие детей в силу объективных причин (состояние здоровья, медицинские показания, физиологическая несовместимость партнеров т.п.) может восприниматься обществом как отклонение.

В России первые приверженцы добровольной бездетности стали обнародовать свою идеологию через сеть Интернет лишь в 2004 году. В отличие от зарубежных единомышленников, российские чайлдфри сразу же заявили, что они не являются ни организацией, ни движением, ни политическим проектом. Они говорят, что не участвуют в уличных акциях, не распространяют агитационные материалы и символику, не расклеивают на заборах призывы присоединиться к ним. Они называют себя сообществом, существование которого можно обнаружить лишь в виртуальном пространстве, где они обмениваются взглядами, практическими советами, например, о методах надежной контрацепции, и свободно жалуются на постоянную дискриминацию и психологическое давление общества. Мотивируют они

нежелание иметь детей, прежде всего, отсутствием экономической стабильности в стране, считая что рождение ребенка сопряжено с финансовыми затруднениями, потерей работы, отсутствием карьерного роста, дополнительными затратами, связанными с образованием и лечением ребенка. Эта новая, не вписывающаяся в традиционную систему ценностей российского гражданина идеология в контексте событий, произошедших в нашей стране в последние десятилетия, выглядит как отголосок трудных для нашего государства 1990-х. За этим, казалось бы, пришедшим с Запада явлением стоит некое сочетание социальной, национальной политики и демографической компетенции. Следует заметить, однако, что региональный аспект в данной проблеме имеет немаловажное значение. На фоне опасных тенденций, распространяющихся в крупных городах-миллионниках, ситуация в небольших населенных пунктах остается довольно стабильной. Достаточно сравнить два социологических исследования, посвященных изучению репродуктивных установок молодежи в городах Омск [5] и Астрахань [2]. Выводы, сделанные по итогам двух исследований, сводятся в обоих случаях к следующему:

– Ценность семьи и детей не утратила своей силы среди современной молодежи. Молодые люди, по-прежнему, считают, что создание семьи и рождение детей это основообразующая сфера их жизни. Несмотря на то, что в обществе существует мнение о том, что ценностные ориентации молодых людей стали носить внесемейную ориентацию, что молодежь стала в первую очередь ориентироваться на достижение материального и карьерного успеха, на удовлетворение личных потребностей, несвязанных с семьей и рождением детей, мы наблюдаем противоположные явления.

– Репродуктивные установки зависят от гендерных особенностей. Мужчины более ориентированы на многодетную модель семьи, чем женщины.

– Экономический фактор значим для молодых людей, но не играет определяющей роли при принятии решения о рождении детей. Но надо отметить, что ориентация на рождение трех и большего числа детей характерна для высокообеспеченных молодых людей.

Однако существующие различия в результатах двух исследований вызывают опасения. Среди Астраханской молодежи не оказалось ни одного респондента, демонстрирующего полное отсутствие желания иметь детей, в то время как среди молодежи г. Омска порядка 10 % опрошенных заявили о нежелании иметь детей либо затруднились с ответом. Эта группа малочисленна и характеризуется приверженностью к тем ценностям жизни, которые, не ориентированы на рождение детей в принципе.

Данная группа молодежи в основном представлена людьми в возрасте от 20 до 29 лет. Из них 53,8% мужчин и 46,2% женщин. Эти молодые люди, в основном, обладают низким уровнем образования (ниже среднего, среднее). Семейное положение большинства – не замужем/холост (53,8%). По уровню материального достатка эта группа относит себя к среднеобеспеченным (77%). Большинство представителей данной группы не обладают собственным жильем: 30,8% живут с родителями, а 53,8% снимают жилье. По профессиональному статусу чаще встречаются служащие (45,5%) и рабочие (36,4%).

Были указаны две основные причины, по которым молодые люди говорят об отсутствии у них желания иметь детей. Одна из причин это отсутствие возможности материально обеспечить детей (57,1%), а вторая причина – нежелание партнера/партнерши иметь детей (14,4%) [2].

Анализ рейтинга жизненных ценностей показал, что для этих молодых людей дети как ценность не занимают высокой позиции. На первые места выходят такие ценности как семья, деньги, карьера, любовь. Эта молодежь больше ориентирована на индивидуальное благополучие и удовлетворение своих эгоистических потребностей [5]. Несмотря на то, что автор данного исследования не отнес таких людей к представителям движения чайлдфри, именно такими характеристиками, согласно исследованию репродуктивных установок астраханской молодежи, респонденты наделили добровольно бездетных.

По нашему мнению, отмеченные различия в репродуктивных установках

представителей разных регионов связаны с культурной средой, в которой формируется так называемый родительский культурный тип. В традиционной культурной среде родители счастливы, когда у них есть возможность жить ради детей. Модифицированный культурный тип предпочитает быть свободным от родительских забот. Не случайно самая высокая в России рождаемость наблюдается в Чечне, демонстрирующей самую высокую степень национальной самоидентификации [4].

Итак, современная структура Российской семьи такова, что малодетность или бездетность становятся нормой, а неполная семья уже далеко не редкость. Сегодня молодые люди не горят желанием создавать семьи, рожать детей. Большинство из них видит первоочередными задачами получение достойного образования, хорошо оплачиваемой работы и построение карьеры.

Типичная семья в Российской Федерации является малодетной – до двух детей. Малодетность связана и с отсутствием традиции или «моды» на число детей более двух, откладыванием рождения первого ребёнка, и значительным числом внебрачной рождаемости. Неустойчивость семьи связана с падением ценности семьи, молодые пары отказываются от официальной регистрации брачных отношений. Одним из важных факторов, определяющих низкую рождаемость, является отсутствие у молодёжи и молодых семей достойных жилищных условий и перспективы их улучшения по мере рождения детей.

Проведенное в 2012 году Федеральной службой государственной статистики исследование репродуктивных планов населения во многом подтверждает вышеобозначенные тенденции [7]. Его результаты наглядно демонстрируют существующие проблемы в сфере демографии: кризисная ситуация, пик которой пришелся на тяжелые для России перестроечные годы, еще имеет отголоски сегодня. Ценности, утраченные в переломные 1990-е годы, еще не восстановились, рождение трех и более детей в современных семьях не является распространенным и желанным явлением.

В нашей стране начиная, с 1992 ежегодно смертность существенно

превышает рождаемость. По данным государственной статистики масштабы вымирания населения страны в 1999–2002 гг. превысили 900 тыс. человек ежегодно, достигнув «рекордного» уровня 958,5 тыс. человек в 2000 г. [1, с. 215] Согласно концепции демографической политики России на период до 2025 г. [6] в роли компенсатора депопуляции призван выступить миграционный прирост на уровне более 300 тысяч человек ежегодно, однако это ставит под угрозу сохранение социокультурной идентичности страны.

Демографический кризис сегодня – это не только проблема национальной безопасности нашей страны, но и угроза ее национальной самоидентичности, подрывающая традиционные культурные и нравственные ценности, которые всегда давали человеку возможность видеть в детях и внуках свое подобие и тем самым преодолевать страх смерти.

Хочется верить, однако, что для российского национального сознания концепт «семья» все еще является одним из важнейших в культурной традиции народа. Это средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка и безопасности, последний оплот подлинной общности, коллективизма. Обращение к такой системе ценностей и традиций, которая господствовала веками в нашей стране, позволит сохранить в национальном сознании российского человека традиционный культурный идеал образа российской семьи.

Библиографический список

1. Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ/ В.Н. Архангельский – М.: ТЕИС, 2010. – 370 с.
2. Венедиктова, М. (2006) Жизнь в кайф – без чайлд? [Электронный ресурс] // Медиа портал Gazeta.kz URL: <http://articles.gazeta.kz/articles/zhizn-v-kajjf---bez-chajld-articleID80870.html> (дата обращения: 17.07.2015)
3. Волкова, А. И., Лебедева, И. В. Отношение российской учащейся молодежи к феномену «Чайлдфри // Доклад на IV Международной научно-практической

конференции «Инновационное развитие транспортно-логистического комплекса Прикаспийского макрорегиона». Астрахань, 22 мая 2015 г.

4. Дорошенко Н. Культура и национальная безопасность // <http://nikolai-doroshenko.pf/kultura-i-nb.htm>
5. Низкая рождаемость как следствие ослабления репродуктивных установок среди молодежи // URL: <http://www.diplomer.ru/shop/sociologiya/nizkaya-rozhdaemost-kak-sledstvie-oslableniya-reproduktivnyh-ustanovok-sredi-molodezhi> (дата обращения: 26.09.2015)
6. Послание Президента Федеральному собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г.
7. Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2012 году. Электронный ресурс: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html. - Яз. рус.

УДК 378.1

**ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВА POSTMODERNITY НА ФИЛОСОФСКО-
ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

Понизовкина Ирина Федоровна

ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва

irina-ponizovkin@mail.ru

**THE IMPACT OF SOCIETY OF POSTMODERNITY ON
PHILOSOPHICAL AND HUMANITARIAN EDUCATION**

Ponizovkina Irina Fedorovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук. Особое внимание уделяется анализу влияния современных тенденций общественного развития на философское образование в России.

Ключевые слова: Современное образование, философское образование, общество постмодерна, информационное общество, наукометрия, общество знания, информационное общество, общегуманитарная подготовка.

Abstract. The article considers urgent problems of teaching the Humanities. Special attention is paid to analysis of influence of modern trends of social development on philosophical education in Russia.

Keywords: Contemporary education, philosophical education, postmodern society, information community, scientometrics, society of knowledge, information society, humanitarian training.

Особенности переживаемой ныне постмодернистской атмосферы, их философский анализ и понимание социальной сути объясняют многие общественные явления - в духовной, экономической и образовательной сферах. На последней хочется остановиться подробнее, ведь дух postmodernity и новейшие ментальные устремленности напрямую влияют на развитие и положение философии как особой сферы знания и образовательной дисциплины.

Сейчас человеческое сообщество стоит на этапе больших перемен, который характеризуется особыми чертами, не всегда заметными простому обывателю, но интересными для исследователей. Понятие постмодерна активно разрабатывалось в социально-гуманитарных науках и получило свой теоретический статус в 80ые годы прошлого столетия в работах Ж.Ф.Лиотара [4]. Работы таких философов, как Ж. Бодрийар, Ж. Делез, Ж. Деррида и других, помогли сделать его общепризнанным и наметить основные перспективы исследования.

Современное общество с его эклектизмом, восприятием мира как неопределенности и некоего хаоса, абсолютизацией всего относительного; установкой на потребительство значительно влияет на изменение ценностных установок в обществе. Это выражается в признании относительности любых, казалось бы, веками устоявшихся ценностей. Особенно такой нравственный

релятивизм заметен и популярен в среде молодежи. Даже «вечные ценности» - любовь, добро, верность, жертвенность, долг, благосостояние, труд - подвергаются сомнению и пересмотру в контексте новых веяний и парадигм общественного сознания. На смену универсальным принципам модерна, выстраивающим четкую иерархическую вертикаль социальных отношений и ценностей, устойчивую модель общественной системы, приходит разнообразие новых акцентов, ожиданий и процессов в разных сферах функционирования социума.

Современные философы и социологи, внимательно наблюдая за головокружительной динамикой окружающей действительностью, пытаются уловить и объяснить общие тенденции и перспективы развития. Исследователь З.Бауман подметил главную особенность мира эпохи постмодерности, которую он назвал неустойчиво-фрагментарной «текущей современностью». Ему вторит Ф. Эмери, сравнивающая динамические процессы в обществе с движением самой почвы под ногами. Поэтому совершенно не случайно Э. Гидденс видит действительность постоянно «ускользающей» и вызывающей чувства непредсказуемости, невозможности ухватить главное. А П. Вейлл сравнивает её с постоянно бурлящей водой, когда возникает ощущение постоянного изменения и беспорядка. Всё это усугубляется информационной революцией [2, 3].

Такие проявления постмодерна в обществе серьезно влияют на образовательный процесс в вузах и на место в нем гуманитарных дисциплин, особенно философии. Это настоящий вызов современному образованию.

Но необходимо учитывать и другие тенденции современности, которые усложняют картину социальной реальности и требуют решения возникающих между ними противоречий. Постмодернистские тенденции в развитии общественного сознания сопровождаются такими явлениями в духовной, экономической и политической сферах, как глобализация, формирование информационного общества и «общества знания». При этом между этими феноменами возникают далеко не однозначные отношения. Так, иногда

понятия «информационное общество» и «общество знания» воспринимаются как синонимичные, однако они не только не являются тождественными, но и во многом в своем практическом функционировании противоречат друг другу. Однозначно лишь то, что они все вместе влияют на российское образовательное пространство.

Стремление к глобализации в образовательной среде привели к интеграции российской системы образования в Болонский процесс, целью которого было сближение разных национальных систем образования и унификация образовательных стандартов. Болонская система является по сути отражением существующих тенденций: с одной стороны, глобализация требует всё большей унификации и соответственно детальной технологизации образования, а с другой стороны, это является своеобразным способом преодолеть господствующую постмодернистскую сиюминутность, «текучесть» и «неуловимость», попытка втиснуть динамичный учебный процесс в определенные рамки компетенций и единых стандартов. Тем более, что это вполне соответствует устремлениям потребительского общества. В развитии современного образования становится всё более довлеющей его ориентация на потребителя и всесторонняя коммерциализация. Передаваемые знания становятся товаром, система обучения – образовательными услугами с сопроводительным документооборотом. Преподаватели-ученые начинают выполнять функции экспертов, деятельность которых желательно подвергнуть всесторонней формализации и стандартизации. Руководители должны приобрести качества менеджеров.

Главным показателем качества образования становится овладение, прежде всего, профессиональными компетенциями. Параметры контроля качества строго регламентируются и задаются с помощью разнообразных видов тестирования, письменных экзаменов, ФОСов и т.п. Возможно, для каких-либо дисциплин это вполне приемлемо и даже эффективно. Однако, для философии тестирование и письменные контрольные работы могут выступать лишь в качестве вспомогательного дополнительного средства, поскольку внешняя

жесткая формализация выхолащивает саму суть философии и философствования. Философия – это не набор фактов и готовых знаний, а способность к диалогу, возможность формулирования и отстаивания определенных взглядов по принципиальным смыслообразующим вопросам на основе усвоенных понятий, фактов и знаний об истории философии. Философия развивалась и существует как диалог мировоззрений. В этом её уникальность и образовательно-педагогический потенциал как учебной дисциплины. Высшее образование – это прикосновение к высшим ценностям (культуры, познания и т.д.) и внедрение их в профессиональную деятельность. Это возможно только через гуманитарно-философское образование.

Стоит прислушаться к авторитетному мнению известного специалиста в области менеджмента, профессора Школы бизнеса и государственных административных систем при университете им. Джорджа Вашингтона Питера Вейлла: «По мере роста сферы услуг становится все яснее, что нельзя подходить к услугам с теми же критериями, что и к производству. Услуги нельзя «упаковать» в стандартную упаковку. Услуга складывается из взаимодействия людей и протекает во времени... Скольких сил стоит отрешиться от привычной схемы «единиц продукции» [2, с.27.].

Эти слова не стоит забывать при оценке труда научного сообщества, удивительным образом вписанного сегодня в сферу услуг. Качества преподавателя-Личности и статус Ученого ныне низведены до статуса эксперта-контролера и единицы научно-духовного производства, «ремесло» которого также подвержена строгому контролю и регламенту – по количеству и виду публикаций, индексу Хирша, получению грантов, тем или иным рейтингам и т.д. Наукометрия выходит на первый план и всё больше начинает беспокоить научное сообщество.

Известный учёный, академик В. Стёпин, выступая 30 ноября 2015 года на видеоконференции "Эффективна ли наукометрия?" на философском факультете МГУ имени М.В.Ломоносова, также выразил озабоченность: не является ли наукометрия преградой на пути научной революции, тех ученых-гуманитариев,

кто создаёт принципиально новые теории и парадигмы и не может в первое время рассчитывать на цитируемость? Как быть с учеными, потратившими годы на написание фундаментального труда? Наукометрия требует быстрой отдачи, зафиксированной в ежеквартальных отчетах. А результат? Нескончаемый поток низкопробной «научной» литературы, наспех написанных статей, зарабатывание на этих публикациях соответствующих журналов и снижение уровня их авторитетности, махинации с индексом Хирша, впустую потраченное время научного работника.

И это касается не только российской действительности. Такая постмодернистская «игра в науку» охватила весь мир. Ученые бьют тревогу. Профессор Белградского университета (Сербия), сотрудник Института ядерных исследований «Винча» физик Д. Давидович выразил свое резко отрицательное отношение к методам современной наукометрии: «наукометрическая технология приводит к полному отрицательному отбору для науки», особенно в маленьких странах (например, Сербия) или утративших свой суверенитет, или не входящих в сеть «своих». Научные кадры таких стран навсегда и часто искусственно отодвигаются на задворки околонучного мира, поскольку критерии для многочисленных рейтингов и публикаций пишутся, как правило, под себя. О том же - противоречивости и недостаточной объективности зарубежных рейтингов - шла речь в Москве 21 января 2016 года на Совете по науке. В стране, по мнению российских ученых, необходимо создать собственные критерии оценки в области научных достижений и знаний. Президент РФ В.В. Путин поддержал идею: "По поводу критериев оценки – конечно, их нужно совершенствовать... Пока у нас не будет своего критерия, мы будем вынуждены руководствоваться тем, что есть, тем, что нам предлагают» [<http://www.1tv.ru/news/social/300438>].

На последнем Всемирном философском конгрессе 2013 года «Philosophy as inquiry and way of life» («Философия как познание и образ жизни») в Афинах, когда в России вовсю набирало обороты и популярность грантодвижение как показатель работы ученого, зарубежные делегаты с тревогой заговорили об

оборотной стороне грантов, особенно в социально-гуманитарной сфере. Погоня за грантами транснациональных корпораций, различных фондов с не совсем ясными уставными целями и задачами не способствует чистоте экспериментов и беспристрастности исследований [<http://www.sim.kz/interviews/view/29743>]. Сегодня в европейском научном сообществе грантописание всё чаще характеризуют как болезнь западной науки, которая отнимает у ученых силы, растрчивает средства впустую, не всегда способствуя продвижению к истине. Профессор Жан Бломмерт (Jan Blommaert) в своей статье "Rationalizing the unreasonable: there are no good academics in the EU" ("Рационализация бессмысленного: в ЕС нет хороших ученых") [1] отмечает, что grantwriting приводит к гетерономии (термин И.Канта) – формальному по сути подчинению исследовательских и инновационных проектов неакадемическим критериям, бесполезной «давке за конкурентоспособность».

В России пока еще до конца не осознана и не осмыслена обратная сторона грантов. Более того, для российских и восточно-европейских ученых-гуманитариев есть «подводные камни» при получении грантов различных зарубежных – западно-европейских и американских – фондов, поскольку этот процесс связан подчас с актуальной политической ситуацией и с необходимостью рассматривать проблемы под определенным углом. В этом случае не стоит удивляться, что научный анализ подменяется социальными наукообразными мифами, идеологическими оценками и клише. Речь в данном случае идет об информационной безопасности общества. Примером может являться Украина, получавшая многочисленные гранты от западных стран на развитие своей гуманитарной научной сферы, что привело к полному пересмотру национальной истории, ценностей и устремлений общества в «заданном» направлении.

Создание информационного общества и постмодернистские тенденции являются катализаторами друг друга в формировании современного мозаичного «расколотого» сознания, господство которого в полной мере проявляется в образовательной среде. На смену принципам научной

рациональности и детерминистскому видению окружающей реальности приходят скепсис относительно возможности познать общественную жизнь и человека в качестве замкнутых функциональных систем. Характерная для постмодерна деконструкция разрушает представления о направленном процессе познания, постигающего смысл и законы происходящего. Развитые мультимедийные технологии (ТВ, Интернет, реклама и т.п.) с калейдоскопом новостей, беспорядочных фактов, навязыванием разнообразных смыслов, мельканием сюжетов и акцентацией на успехе приводят к отказу от поиска вектора в развитии общественных процессов и замене его технологизацией подходов.

Общие, гуманитарно-философские дисциплины уступают место узкопрофессиональным, часто прикладным кратким курсам, количество которых всё возрастает. Складывается мозаика бессистемно сформированных дисциплин, расчленимость и последовательность которых иной раз не поддается никакому разумному объяснению, но удачно вписывается в общую атмосферу утилитаризма. Коммерциализация профессионального обучения заставляет сокращать общегуманитарную составляющую или даже избавляться от нее как от излишней нагрузки, лишь удорожающей реализацию образовательных программ. За последние десятилетия количество аудиторных часов курса философии резко сократилось, что является следствием вышеобозначенных процессов и непонимания последствий такой ошибочной политики.

А последствия уже очевидны. Складывается тип мышления студента, отказывающийся от попыток четкой систематизации знаний о мире, не оперирующий базовыми понятиями (добро - зло, свобода – необходимость, системность, факт и т.д.) и стирающий демаркационную линию между научным и обыденным познанием. Современные студенты не считают нужным обращаться к точному значению основополагающих понятий, вольно трактуя их смысл и часто путая понятия – «материю» с «вещью», «самолюбие» с «себялюбием», «гордость» с «гордыней», «эгоизм» с «индивидуализмом». И даже возводят это в ранг принципа: у каждого свое мнение. Впрочем, это

вполне соответствует общему устремлению сознания постмодернити к индивидуализации, безусловной свободе мышления и освобождения от традиций. У преподавателя философии, этики деловых отношений и других социально-гуманитарных дисциплин при чрезвычайно малом (часто чисто символическом) числе аудиторных занятий не остается времени на рассмотрение, глубокий анализ и обсуждение этих принципиально важных вопросов, на которых и строится система подлинных знаний. Особую трудность у студентов вызывают задания, связанные с построением схем. Результаты такой работы показывают, что учащиеся плохо ориентируются в иерархии категорий, не могут структурировать уровни и определить в них характер взаимосвязей между элементами. Часто такие задания по составлению схемы пытаются подменить текстовым материалом, что свидетельствует о проблемах по систематизации материала, а также о низком уровне понятийного мышления.

Такая тенденция зафиксирована и в результате специальных исследований (например, Л. Веккера, Дж. Крэбтри из Стэнфордского университета), свидетельствующих о снижении у человечества уровня интеллекта. Руководитель лаборатории социальной психологии СПбГУ, глава центра «Диагностика и развитие способностей» Л. Ясюкова на основе результатов мониторинга интеллектуального развития школьников и студентов считает, что менее 20% людей обладают полноценным понятийным мышлением [<http://www.rosbalt.ru/main/2013/12/04/1207437.html>]. Уже появляются объявления о дорогостоящих тренингах по формированию понятийного мышления для бизнесменов и топ-менеджеров. Лет 30 назад основы такого мышления закладывались еще в школе и завершалось его формирование в вузе.

Возникает привычный для россиян вопрос: что делать? Надо ли мириться с такими тенденциями? Воспринять как должное, учитывая постмодернистские веяния? Ждать лучших времён? Но это никак не сочетается с исходной установкой формирующегося «общества знания»: знание есть власть. Или

бэконовское: знание есть сила. Ведь силу или власть (над обстоятельствами, явлениями, природой и т.д.) дает только истинное глубокое знание, а не игра в знание. Решения, принятые на основании поверхностных знаний, допонятийной интерпретации происходящего, невозможно реализовать. А в нынешних условиях постоянно изменяющегося мира, неустойчивых социальных систем, катаклизмов слишком велик риск катастрофических последствий от неправильных субъективных решений.

И здесь хочется пропеть оду философии, которая призвана в образовательном процессе не только показать и объяснить современные тенденции и их возможные негативные последствия, но и помочь преодолеть их. Именно изучение философии и философских дисциплин способно систематизировать накопленные знания о мире, тем самым преодолеть фрагментацию культурно-образовательного пространства, соединить воедино пазлы многочисленных учебных программ. В процессе обучения философские дисциплины помогут избавить студентов от банальности мнимой оригинальности, дилетантизма и методологической неосведомленности.

Однако недостаточное количество аудиторных часов не позволяет в полной мере показать красоту мысли и поиска истины; проанализировать сложный, но увлекательный путь рождения новых идей; обосновать систему ценностей и культурных универсалий того или иного общества; рассмотреть смысложизненные вопросы, т.е. приобщить студентов к принципиальным проблемам, касающимся каждого будущего специалиста. Вынужденное упрощение материала приводит к вульгаризации.

Современное сообщество идет тернистой дорогой к осмыслению значимости философского образования. И, возможно, российское общество будет вынуждено заплатить слишком высокую цену за несвоевременное понимание этой необходимости в условиях усложняющейся информационной среды и формирующегося «общества знания».

Библиографический список

1. Blommaert J. Rationalizing the unreasonable: there are no good academics in the EU // <http://alternative-democracy-research.org/2015/06/10/rationalizing-the-unreasonable-there-are-no-good-academics-in-the-eu/>
2. Баркова Э.В. Медиакультура в антропо-экологических стратегиях эпохи информациологии // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012, №1. С. 3-14.
3. Вейлл П. Искусство менеджмента. Пер. с англ. Козыревой И.Б. — М.: Новости, 1993.
4. Лиотар Ж.-Ф. Предпосылки постмодерна. - Спб.: "Алетейя", 1998.

ЧЕЛОВЕК И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Тураева Алина Дмитриевна

Центрально-Азиатский университет, г. Алматы, Казахстан

A PERSON AND INFORMATION SOCIETY

Turaeva Alina Dmitriyevna

Central Asian university, Almaty, Kazahstan

Аннотация. В информационном современном обществе информация и информационные ресурсы занимают центральное место. Человек меняется в соответствии с вектором информационно-технических характеристик общества. В электронном пространстве изменяются поведенческие стандарты и ценностные ориентации личности.

Abstract. In the information society, modern information and information resources are central. Man changes in accordance with the vector information and technical characteristics of the society. The electronic space change behavioral standards and values of the person.

Ключевые слова: информационное общество, информационные ресурсы, компьютер, человек

Keywords: information society, information resources, computer, person

Созданная теоретиками картина информационного общества постепенно приобретает сегодня зримые очертания: происходит прогнозируемое превращение всего мирового пространства в единое компьютеризированное и информационное сообщество людей, проживающих в домах, оснащенных всевозможными электронными приборами и «интеллектуальными» устройствами. Процессы информатизации общества сопровождаются появлением новых отраслей производства, новых направлений в научных исследованиях и культуре.

Эти изменения, оказывая комплексное воздействие на всё общество в целом, приводят к значительным преобразованиям производственной и духовной жизни человека.

Использование компьютеров во всех сферах человеческой деятельности обеспечивает доступ к надежным источникам информации, избавляет людей от рутинной работы, ускоряет принятие оптимальных решений, автоматизирует обработку информации в производственной и социальной сферах. В результате движущей силой развития общества становится производство не материального, а информационного продукта. Что же касается материального продукта, то он становится более «информационно емким» и его стоимость в значительной степени зависит от объема допущенных в его структуре инноваций. Деятельность людей сосредоточена главным образом на обработке информации, а производство энергии и материальных продуктов возложено на машины.

Информация стала одним из важнейших стратегических, управленческих ресурсов, наряду с ресурсами - человеческим, финансовым, материальным. Ее производство и потребление составляют необходимую основу эффективного функционирования и развития различных сфер общественной жизни. Это означает, что не только каждому человеку становятся доступными источники

информации в любой части нашей планеты, но и генерируемая им новая информация становится достоянием всего человечества. В современных условиях право на информацию и доступ к ней имеют жизненную ценность для всех членов общества.

Однако сколько бы ни размышляли философы над перспективами информационного общества, о сущности информационно-компьютерной революции, философия остается верной самой себе и выполняет лишь ей присущую функцию, только когда она занимается человеком.

Человек - главная проблема философии.

Философия рассматривает человека как сложную совокупность многомерных универсальных характеристик. Философия касается всего, что может быть связано с человеком. Когда человек мыслит и создает объекты информационного мира, то рано или поздно возникает потребность в осмыслении этого явления своеобразного изменения человеком природы и самого себя. Именно тогда философия проникает в сферу информационной деятельности человека, ставит перед ним различные вопросы, в том числе, о целесообразности такой деятельности.

Кроме того, на современном этапе существования человека именно информационная деятельность вызывает самые большие тревоги человечества, потому что под угрозой существования в результате такой деятельности сейчас оказался сам человек. В связи с высокой актуальностью проблемы человека в информационном мире, в современной философии уделяется ей большое внимание.

Человек радикально отличается от всех других существ на Земле и, прежде всего, в разуме. Но отличается он и технологичностью деятельности, стремлением к творчеству, к свободе - четыре фундаментальных признака человека (А.И.Ракитов). В новом веке новые информационные технологии впервые открывают перспективу для колоссального усиления этих фундаментальных особенностей человека, для их применения в невиданных ранее масштабах.

Информация всегда играла чрезвычайно важную роль в жизни человека. Общеизвестно высказывание о том, что тот, кто владеет информацией, тот владеет и миром. Иное сообщение стоит дороже жизни, так по преданию, 13 сентября 490 года до н.э. греческий воин-говец, прибежавший из Марафона в Афины, не останавливаясь в пути, упал замертво, но донес весть о победе над персами.

Познавая окружающий мир, человек постоянно имеет дело с информацией. Она помогает человеку правильно оценить происходящие события, принять обдуманное решение, найти наиболее удачный вариант своих действий. Интуитивно мы понимаем, что информация - это то, чем каждый из нас пополняет собственный багаж знаний.

Информация также является сильнейшим средством воздействия на личность и общество в целом. Кто владеет наибольшим объемом информации по какому-либо вопросу, тот всегда находится в более выигрышном положении по сравнению с остальными.

Способ существования человека в историческом плане определяется отношением человек - орудие - техника. С давних времен сбор и систематизация сведений об окружающем мире помогали человеку выживать в нелегких условиях - из поколения в поколение передавался опыт и навыки изготовления орудий охоты и труда, создания одежды и лекарств. Информация постоянно обновлялась и дополнялась - каждое изученное явление позволяло перейти к чему-то новому, более сложному. Со временем, большие объемы данных об окружающем мире поспособствовали развитию научно-технического прогресса и, как следствие, всего общества в целом - человек смог научиться управлять различными видами вещества и энергии.

Как результат исторического развития практической деятельности человека современный мир представляет собой технологизированное и информационное пространство. Но и сам человек технологизировал свою сущность, существуя в технически обусловленном пространстве, он творчески реализуется как по законам природы, так и по законам технической среды.

Одним из определяющих моментов организации этой среды, да и самого существования в ней человека, является передача информации. С течением времени роль информации в жизни человека становилась все существеннее. Нужно изучать и понимать уже не только законы природы, но и понятия и ценности человеческого общества - литературу, искусство, архитектуру и т.д.

Информационное общество - понятие, предполагающее взгляд на современное общество с точки зрения стремительно возрастающей, все проникающей информации о всех сторонах его жизнедеятельности. Его, даже неявное влияние, не может не усиливаться в поисках ответов на всё более настоятельно встающие вопросы о том, что происходит с человеком в процессе продолжающегося «информационного взрыва».

Здесь следует отметить ряд негативных последствий компьютерной революции, к которым можно отнести изменения в традиционном образе жизни, когда книга, письмо и сама письменность оттесняются иными способами получения информации (при помощи Интернета и компьютерного набора).

Новые формы общения, модификации традиций, изменение системы социальных ценностей происходят с такой интенсивностью, что массовое общественное сознание, а также многие теоретики оценивают компьютерную революцию как кризис культуры. Если в прежних условиях процесс культурной адаптации к инновациям был во многом растянут во времени, так как возможность трансляции, усвоения и распространения огромных объемов информации была технологически необеспечена, то сейчас темпы и возможности освоения всех сокровищ мировой культуры невероятно возросли, и теперь уже необходимо говорить о Допускающих возможностях человеческой психики. Это весьма острая проблема.

Однако очевидно, что культурогенез XXI в. не мыслим без использования персональных компьютеров, современных информационных технологий, телевидения и Интернета, при помощи которых реализуется возможность выбора информации. Все эти факторы оказывают разнонаправленное и далеко

не всегда положительное воздействие на мировосприятие человека. Они значительно ускоряют время социального бытия, загоняя психику человека в тупик все новых и новых проблем.

Так, в последнее время наблюдается возрастание интереса к искусственному интеллекту, вызванное повышением требований к информационным системам. Умнеет программное обеспечение, умнеет бытовая техника. Мы неуклонно движемся к новой информационной революции, сравнимой по масштабам с развитием Интернета, имя которой - «искусственный интеллект». Это наталкивается на вопрос: а сможет ли человечество выжить в условиях невероятного усложнения задач, подлежащих срочному решению, если он не будет формировать информационную компьютерную революцию и не усилит свой интеллект искусственным?

Следовательно, в современных условиях человек не только вправе, но и обязан задуматься над тем, что означает информационная революция для него самого, для его бытия как реального, живого, а не абстрактного существа.

Положение личности уже не может детерминироваться только её формой участия в процессе производства, на личность воздействуют факторы социального манипулирования. Человек постоянно находится в ситуации выбора. Личность имеет огромные информационные возможности, социальные технологии направлены на ускоренную адаптацию личности, но сама необходимость постоянного принятия решений может быть представлена как ограничение свободы.

Информатизация общества усиливает и авторитарные тенденции. Способность, с одной стороны, получать точную информацию о каждом гражданине, а, с другой стороны, - манипулировать массами людей, предельно возрастает при использовании компьютерных сетей. И можно представить себе такое положение дел, когда правящие круги знают всё, что им нужно, а остальные не знают ничего.

Тенденции развития в среде информации позволяют предположить, что к примеру политическая власть, приобретаемая большинством благодаря

концентрации информации, уменьшит реальную власть политиков-трибунов, роль выборов. Сложившаяся таким образом властвующая элита может оказаться инфократией (властью информации), источник власти которой не в авторитете перед народом, а лишь в больших возможностях использовать информацию. Примером тому может служить борьба олигархов за средства массовой коммуникации. Приобретение в собственность как можно больше каналов ТВ, журналов, газет и др. форм, есть гарантия политической власти, основанной на владении информацией и возможностью манипулировать ею.

Вторжение электронных коммуникативных систем во все сферы жизни вызывает необходимость новых форм организации человеческих отношений. Высокая технология требует соответственно высокой подготовленности индивида, его духовной зрелости и ответственности. Нарушение баланса в пользу технологии (опережающее развитие технологии по отношению к нравственно-идеологическим ресурсам общества) является одной из важных причин таких явлений, как дегуманизации различных аспектов жизни.

Кроме того, компьютеры создают не только безлюдное производства, но и «безлюдное» общение, когда собеседника вполне заменяет ПЭВМ. Мы являемся очевидцами возникновения нового вида реальности, основанного на компьютеризации - «виртуальной реальности», - искусственной псевдосреды, с которой можно обращаться как с подлинной.

Компьютеры привязывают к себе с детства, заменяя книги, театр, друзей, снижает степень активности человеческого общения, они создают иную реальность, которая может восприниматься более серьезно, чем окружающий мир. Эта новая технологическая среда оказывает мощное (и пока что совершенно непредсказуемое) воздействие на человеческую психику. Сегодня эта перспектива обнаруживается, в частности, в феномене маньяков компьютерных игр и уходе от действительности в виде погруженности в «виртуальную реальность», где есть множество псевдовидов человеческой деятельности.

Реалии информационного общества предъявляют человеку новые

требования, прежде всего наличие способности и готовности к перемене деятельности, мобильности, переобучению; овладению новой профессией. На предыдущем этапе развития это востребовалось в меньшей степени. Антропогенная цивилизация базируется на утверждении человека основной ценностью функционирования общества в целом и отдельных его подсистем.

Вопрос о месте человека в новом информационном мире можно перевести в плоскость вопроса о новых функциях человека. Прежде всего, следует обратить внимание на повышение уровня образования в обществе, на новые формы коллективного сознания, на новые формы общения и объединения людей.

Сейчас, в первой половине 21 века роль информации в жизни человека является определяющей - чем больше навыков и знаний он имеет, тем выше ценится как специалист и сотрудник, тем больше имеет уважения в обществе.

Информация как вид знания необходима современному человеку не только для того, чтобы создавать материальные и духовные блага, но и для того, чтобы вести здоровый образ жизни, уметь ориентироваться в изменяющихся условиях как природного, так и общественного бытия, для того, чтобы сформировать определенную экономическую, социальную, политическую и нравственную позиции.

Однако необходимо не только иметь информацию, но и владеть способами её использования. Образование для современного человека имеет своей целью не столько обучить традиционным алгоритмам в мышлении и практике, сколько умению выбрать необходимую информацию, осмыслить её, привести обработанную информацию в соответствие со своими потребностями. Действия, основанные не на традиции, а на информации - определяющая черта современного человека.

Таким образом, последняя четверть XX в. была ознаменована тем, что человечество вступило в новую стадию информационного развития. Становление общества информационных услуг и новых технологий, наступление информационной экономики, массовая персональная

компьютеризация - явления, не имевшие раньше места в истории человечества.

Таким образом, в современном информационно-технологичном мире разрабатываются новые формы отношения к окружающему миру, среде обитания, к биологии и психологии человека. Можно высказать предположение, что современная информационно-техническая цивилизация превращает информационные технологии в необходимые условия саморазвития человека.

Современное человечество как никогда заинтересовано в философском анализе перспектив своего развития. Во все времена, будучи прочно связанной с культурой, философия выстраивала прогноз будущих состояний предметных взаимодействий, социальных форм, ценностей. Анализ новых социокультурных реалий, опираясь на которые философия выявляет и обосновывает новые ценностные установки, составляющие новую стратегию деятельности человека в информационном мире, в т.ч. следующие:

- появление и все большее распространение человекомерных систем, конструирование и нормальное функционирование которых невозможно без включения антропологических параметров;
- обнаружение и исследование наукой объектов Вселенной, свидетельствующих о необходимости использования для их понимания антропных представлений и принципов;
- развитие процессов глобализации, развертывающейся в политической, информационной сферах и оформляющейся в модели многополюсного, интегрированного мира, в котором, образно говоря, нет первых и последних, то есть «первые среди равных»;
- выявление наукой и практикой сверхсложных, саморазвивающихся систем, которые имеют нелинейный характер развития и способны в определенных точках приводить к срыву в состояние хаоса.

На основе этих новых реалий формируются и новые ценности человеческого бытия в мире: ненасилие, терпимость, ответственность,

благоговение перед жизнью и космосом и т.п.

Философия задает критерии оценки развития общества. В зависимости от того, что выбрано в качестве мерила развития, оценивается состояние и перспективы дальнейшего развития общества, его динамика. Оценка развития общества с точки зрения соответствующего критерия и дает возможность констатировать либо прогресс, либо регресс в общественном развитии, выстроить пессимистический или оптимистический прогноз.

Итак, современный человек немислим без постоянного взаимодействия с гигантским потоком информации, а значит, и без постоянного пополнения багажа знаний. Информационное общество - это общество, построенное на знаниях. С помощью электронных средств информация может передаваться с огромной скоростью, практически ничем и никем не ограничиваемая. Однако следствием ускорения передачи информации стало усиление эффекта воздействия информации на человека как положительного, так и негативного.

Библиографический список

1. Бердышев В.И. Информационные технологии и потенциальные опасности для развития России / В.И.Бердышев, И.А.Хохлов // Русский экономический вестник. - 2001. - №1.
2. Еляков А.Д. Информационный фактор развития общества / А.Д.Еляков // НТИ. Организация и методика информационной работы. - 2008. - №2. - С.1-9.
3. Колин К.К. Информационная цивилизация: будущее или реальность? / К.К.Колин. - М.: Изд-во РГБ «Пашков дом», 2001.
4. Лешкевич Т.Г. Философия: Курс лекций / Т.Г.Лешкевич. - М.: ИНФРА-М, 2000. - 240 с.

Электронное научное издание

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

25 января 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN: 978-5-00-005483-0

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3.3. Тираж 500 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова
Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.
Бекетова 53.